

3 TIMEWARS

Саймон Хоук
Заговор
АЛОГО
Первоцвета

Войны времени

Саймон Хоук

Заговор Алого Первоцвета

«Aegitas»

1984

Хоук С.

Заговор Алого Первоцвета / С. Хоук — «Aegitas»,
1984 — (Войны времени)

ISBN 978-0-36-940457-2

«Путешествия во времени не сводились лишь к развлечениям и приключениям. Майор Лукас Прист, ветеран временных войн, прекрасно знал об опасностях минусовой стороны. Одно неверное движение, и ход истории меняется с неподдающимися просчету последствиями....»

ISBN 978-0-36-940457-2

© Хоук С., 1984
© Aegitas, 1984

Содержание

Предисловие	8
1	14
2	24
3	34
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Саймон Хоук

Заговор Алого Первоцвета

Путешествия во времени не сводились лишь к развлечениям и приключениям. Майор Лукас Прист, ветеран временных войн, прекрасно знал об опасностях минусовой стороны. Одно неверное движение, и ход истории меняется с неподдающимися просчету последствиями.

Сейчас Лукасу предстояло выполнить самое сложное задание за всю его карьеру: подправить события Французской революции и устраниТЬ последствия непростительной ошибки агента корпуса времени. Алекс Кордерро во время своей первой вахты в минусовом времени стал причиной смерти сэра Перси Блейкни, английского аристократа, сыгравшего ключевую роль в спасении французских роялистов от гильотины. Кто-то был должен встать на его место и повторить все его подвиги.

Легче сказать, чем сделать. Особенно учитывая тот факт, что великий и ужасный Мангуст, гениальный диверсант и двойной агент XXVII века, снова оказался на свободе. И у Мангуста были собственные соображения о том, какой должна быть история...

Лукас сделал глубокий вдох.

– К сожалению, нет никаких записей о том, как это было сделано. Нам только известно, что Лефорт был схвачен при попытке выбраться тайком из Парижа в одежде старухи и брошен в Бастилию. Ответственность за его побег взял на себя Алый Первоцвет. Было бы здорово отправиться в прошлое и посмотреть, как это было сделано. Но как бы это ни было сделано, нам предстоит стать теми, кто это сделает.

– Было бы здорово, если бы мы могли прыгнуть на плату и отправиться на несколько часов вперед, чтобы посмотреть, как мы это сделали, – сказал Финн. – Но сначала нам нужно это сделать, прежде чем мы сможем посмотреть, как это было сделано. Разве временная физика не чудесна?

– Такие моменты заставляют меня жалеть, что я не остался работать в своей лаборатории, – сказал Лукас.

*Робу, Питу и Дебби Сигел
с дружбой и благодарностью*

Конец войны...

1 апреля 2425 года доктор Вольфганг Амадей Менсингер, почетный профессор Университета Хайнслайна на Дайсон Один открыл путешествия во времени. Уже признанный величайшим ученым своего времени за формулирование восьмидесятилетнем возрасте единой теории поля, Менсингер на тридцать пять лет угодил в немилость научного сообщества из-за непоколебимой уверенности в том, что путешествия во времени или, как он предпочитал их называть, временные транслокации, теоретически возможны. Когда он сделал заявление в день своего ста пятнадцатилетия, то сразу же превратился в любимца средств массовой информации. Если бы кто-нибудь другой выдвинул подобную теорию, он стал бы просто еще одним забавным чудаком, но когда это сделал тот, кто сместил с пьедестала Эйнштейна, люди заинтересовались.

Общение со СМИ никогда не было проблемой для доктора Менсингера. Этот очаровательный человек был словоохотлив, умел в высшей степени складно излагать свои мысли и относился с сочувствием к людям с ненаучным складом ума, что привело к тому, что он мог объяснить сложные идеи таким образом, что они становились понятными любому обывателю. Он также понимал то, чего традиционно не понимало большинство ученых, – научные исследования в значительной степени являются политической игрой.

Первоначально его теория была принята с большим воодушевлением со стороны средств массовой информации и масс, в то время как его коллеги по научному сообществу отреагиро-

вали с определенной долей скептицизма, граничащего с зубоскальством. Большинство из них считали, что уважаемый доктор Менсингер уже сделал свое главное открытие и что устремившись к еще большим достижениям, он перестарался и безответственно скатился к дешевой погоне за сенсацией. Средства массовой информации, учуя увлекательное противостояние, предоставили бесчисленные возможности для нападок его критикам, тем более что такие атаки было очень просто проводить, используя простую уловку, основанной на утверждении, что у доктора Менсингера нет никаких доказательств, подкрепляющих его тезисы.

Разозленный таким отношением средств массовой информации и коллег, Менсингер отправился в почти добровольное затворничество в университете на Дайсоне, администрация которого была более чем счастлива выделить определенное ограниченное финансирование для его исследований в обмен на лекции, которые знаменитый доктор Менсингер будет читать студентам. Профессор Менсингер женился на дочери декана и принародился к академической жизни, в то же время взявшихся с утроенной энергией за завершение своих исследований. Но время шло, а результатов не было, его бюджет неуклонно урезался, а здоровье стало пошаливать. Он начал отлынивать от академических обязанностей, и единственная причина, по которой его продолжали терпеть, состояла в ценности его имени и его родства с деканом. Он нравился коллегам-профессорам, но они смотрели на него с жалостью, как на трагический случай профессионального выгорания. И вот, на сто пятьдесят втором году жизни, он создал первую рабочую модель хроноплаты.

После смерти Менсингера, через пятнадцать лет после того, как он сделал путешествие во времени реальностью, его работу продолжил его сын, Альбрехт. К сожалению, к этому времени он лишь смог усовершенствовать работу отца. Он больше не контролировал открытие. Вмешались политики.

15 июня 2460 года был образован Комитет временной разведки. Агенты комитета, после тщательных тренировок и обучения, начали путешествовать во времени с целью проведения дальнейших исследований и испытаний аппарата. На начальном этапе многие из этих агентов навсегда потерялись при перемещении, угодив во временную ловушку, которую какой-то правительственный чиновник окрестил «мертвой зоной», но те, что вернулись, делились зачастую пугающей информацией. Исторические документы подлежали ревизии. Некоторые легенды оказались фактами. Некоторые факты оказались легендами. События, по которым ранее отсутствовала документальная база, были подтверждены. Другие события были преданы огласке. Теория Бытия была опровергнута, и за этим последовала революция в Церкви, кульминацией которой стало радикальное предложение кардинала Консорти отправить агентов назад во времени, чтобы определить, действительно ли Христос воскрес после распятия. Для воспрепятствования попыткам совершения таких действий в отношении Комитета временной разведкам был вынесено запретительное судебное постановление, а кардинал Консорти был отлучен от церкви.

25 января 2492 года на историческом заседании, которое стало известно как Совет наций и прошло в столице Соединенных Социалистических Штатов Южной Америки, председатель Императорского Конгломерата Японии выдвинул предложение о «прекращении войны в нашем времени». Хотя доктор Альбрехт Менсингер, приглашенный принять участие в Совете в качестве почетного гостя, запальчиво возражал против резолюции, она была принята подавляющим большинством, когда он не смог представить убедительных доказательств того, что действия путешественников во времени из настоящего могут повлиять на прошлое. Прошлое, утверждали члены научного сообщества, приглашенные на конференцию, не может быть изменено. Оно уже случилось. Оно было абсолютным.

24 декабря 2492 года был сформирован корпус рефери, созданный Советом наций в качестве вненационального арбитражного органа, наделенного всеми полномочиями по организации и разрешению предлагаемых временных конфликтов. По рекомендации вновь созданного

корпуса рефери был образован подчиненный орган под названием корпус наблюдателей, который взял на себя многие функции Комитета временной разведки, переименованного в Агентство временной разведки. В состав АВР вошли спецслужбы большинства правительств мира, и оно было передано в непосредственное подчинение корпусу рефери. В течение последующих десяти лет под присмотром корпуса рефери стали проводиться временные конфронтационные акции. СМИ окестили их «Войнами времени».

В сентябре 2514 года Альбрехт Менсингер опубликовал работу, доказавшую, что он еще более гениален, чем его отец. Выводы, к которым он пришел, спустя несколько лет довели его до полного нервного срыва. Эти выводы, которые привели к поспешному восстановлению Совета наций и обсуждению ограничений временных операций 2515 года, были опубликованы под названием «Теории временной относительности Менсингера». Таковых было четыре.

Теория темпоральной инерции. Течение потока времени имеет тенденцию сопротивляться разрушительному влиянию временных разрывов. Степень этого сопротивления обусловлена коэффициентом магнитуды нарушения и Принципом неопределенности.

Принцип временной неопределенности. Элемент неопределенности, выраженный в виде коэффициента временной инерции, представляет собой «фактор X» во временной непрерывности. Абсолютное определение степени отклонения от первоначального, ненарушенного сценария невозможно из-за отсутствия полной точности в исторических документах и исследованиях (см. «Принцип неопределенности» Гейзенберга), а также из-за наличия исторических аномалий, образовавшихся в результате временных разрывов либо их корректировок.

Фактор судьбы. В случае возникновения нарушения достаточной магнитуды, способного повлиять на временную инерцию и создать разрыв, Фактор судьбы, являющийся усиливающим обстоятельством временной инерции, в сочетании с элементом неопределенности, также присущим и вызванным нарушением, определяют степень относительной непрерывности, до которой может быть восстановлен временный поток, в зависимости от последствий нарушения и его корректировки.

Разделение течения времени. В случае нарушения достаточной магнитуды, способного преодолеть временную инерцию, эффект Фактора судьбы будет нивелирован подавляющим влиянием образовавшегося разрыва. Смещенная энергия временной инерции создаст параллельное течение времени, в которой главным определяющим фактором будет Принцип неопределенности.

Менсингер вновь выступил перед Советом наций, и он официально представил мировым лидерам свою работу, подкрепленную подтверждающими ее исследованиями и выводами. И снова он запальчиво спорил, на этот раз требуя немедленного прекращения Войн времени. На этот раз они прислушались. Решения были подготовлены, проголосованы и приняты. Однако, единственная резолюция, принятия которой больше всего хотел Менсингер, была спущена в долгий ящик из-за отсутствия согласия между членами совета. Менсингер покинул заседание в отчаянии, сломленным человеком. Войны времени продолжились.

Предисловие

На городской площади царило полное безмолвие, собравшаяся толпа замерла в напряженном, почти благоговейном ожидании. Единственными нарушавшими тишину звуками были молитва человека на деревянном помосте, рыданье его жены внизу у ступенек да скрип шкива, когда лезвие начало медленно подниматься. Молитва человека была грубо прервана – его схватили и принудили опуститься на колени, зафиксировав голову в нужном положении. Палач толкнул рычаг, послышался короткий скрежет падающего лезвия, перешедший в более глухой звук, словно топор вошел в дерево. Голова человека упала в плетеную корзину, и толпа одобрительно взревела.

Механизм Жозефа Игнаса Гильотена, предложенный в ассамблее уважаемым врачом в качестве «милосердного» способа казни, использовался не более нескольких месяцев, но его лезвие уже основательно закалилось в крови жертв Революции. Толпа взяла штурмом Тюильри, и швейцарская гвардия, которой король приказал прекратить огонь, была вырезана. Людовик XVI вместе с семьей содержался в плена в старом доме Ордена тамплиеров, а временное правительство находилось в руках Жоржа Жака Дантон из клуба кордельеров. Мари Жозеф Поль Ив Рош Жильбер дю Мотье, маркиз де Ла Файет, Декларация прав человека которого была провозглашена и принята Национальной ассамблей как воплощение принципов *Liberté, Égalité, Fraternité*, был заклеймен предателем и, спасая свою жизнь, бежал в Австрию. Кровавые Сентябрьские расправы, в которых на алтаре нового режима было принесено в жертву более тысячи аристократов, шли своим чередом. Остальная Европа была бы глубоко потрясена событиями в Париже, Версале, Лионе, Реймсе, Мо и Орлеане, однако они были всего лишь прелюдией к излишествам якобинцев во время Эпохи террора Робеспьера.

Алекс Кордерро смотрел остекленевшим взглядом, как обезглавленное тело стаскивают с гильотины. Палач замешкался лишь для того, чтобы быстро протереть лезвие окровавленной тряпкой, и подал знак, чтобы готовили следующую жертву. Жену мертвеца, взяв ее за руки за ноги, затащили вверх по ступенькам. Она была не в силах стоять, и ее пришлось поддерживать, пока толпа ее рассматривала. И снова чернь впала в жуткую тишину. Голодную тишину. Женщина неустойчиво покачивалась, и на мгновение ее глаза сфокусировались. Она увидела, как голову ее мужа выбросили из плетеной корзины, и она согнулась пополам и вырвала на деревянный помост. С огромным трудом Алекс удержался от такой же реакции. Он думал, что будет готов ко всему, но это не было похоже на то, что он себе представлял. Это совсем не походило на романтический поступок Сиднея Карттона в «*Повести о двух городах*» Диккенса. Это был массовая резня, и Алекс Кордерро не мог больше не мог на это смотреть. Шкив скрипел так, словно кто-то скреб ногтями по школьной доске, и от этого звука его пробрала дрожь. Было бы гораздо лучше, думал он, оставаться дома, где ему и место, в XXVII веке, в котором о подобных вещах можно было только читать в книгах или узнавать из информационно-поисковых систем, графическая реальность которых не вторгалась в чувства со всей мощью мясницкого молота.

Алекс был рядовым корпуса времени. Это была его первая вахта в минусах. Французская армия, самая эффективная и прогрессивная боевая сила во всей Европе на момент начала Революции, находилась в плачевном состоянии. Продажу чинов упразднили, и большинство офицеров, принадлежащих к ныне презираемому классу аристократии, бежали из страны. Ассамблее не терпелось восстановить армию, поскольку война казалась неизбежной, и был объявлен общенациональный набор добровольцев, который вскоре будет заменен приказом о призывае в армию всех одиноких мужчин в возрасте от 18 до 40 лет. Благодаря этому призыву в распоряжении Наполеона через несколько коротких лет окажется могущественная армия. Алекс был двойным добровольцем. Он добровольно поступил на военную службу в XXVII веке, и после подготовки и имплантного обучения был отправлен в конец XVII века, где снова

добровольно поступил на службу в Революционную армию. Корпус рефери определил, что такой способ инфильтрации бойцов корпуса времени во французскую армию для участия в войне Первой коалиции будет наиболее эффективным.

Алекс не знал, почему ему предстояло воевать, почему его собирались поставить в первых рядах в войне против Австрии и Пруссии. Солдатам никогда не сообщали таких вещей. Он только знал, что в XXVII веке две крупные державы подали очередную жалобу во вненациональный корпус рефери для арбитражного разбирательства, и что временные подразделения с обеих сторон были отправлены в прошлое, чтобы сразиться в «войне на бумаге» на историческом поле битвы. Для тех, кто определит победителя, это будет «война на бумаге». Для рефери Алекс был бы просто еще одним фактором в турнирной таблице. Для Алекса это будет очень реальная война; война, в которой его шансы остаться в живых будут очень, очень малыми. Он думал об этом, когда поступил на службу, но в то время он отмел возможность быть убитым, как что-то весьма невероятное. В конце концов, он был современным человеком, заведомо превосходящим этих примитивов. Он думал, что это будет грандиозное приключение. Теперь он обнаружил, что больше так не считает.

Париж не был тем романтическим местом, которое он себе представлял. Он видел насилие на улицах; видел, как аристократов везли к гильотине в повозках для осужденных, а *citoyens* и *citoyennes* бежали рядом с ними, издеваясь над несчастными и забрасывая их отбросами. Он видел, как лезвие опускалось снова и снова, и видел, как пожилые вязальщицы, *tricotteuses*, пытались вскарабкаться на помост и заполучить локоны с отрубленных голов в качестве сувениров. Он видел, как дети прыгали на месте и в восторге хлопали в ладоши, когда плетеные корзины пожинали свой ужасный урожай. Он видел слишком много.

Почувствовав слабость, он развернулся и стал проталкиваться сквозь толпу, то и дело получая недовольные толчки в ответ от тех, кому перекрыл вид на происходящее. Алекс услышал глухой звук лезвия, отрубающего женскую голову, поежился и удвоил свои усилия, выбираясь из толпы. Наконец он оказался на свободе и заковылял прочь от *Place de la Revolution*, чтобы бесцельно бродить по городским улицам в состоянии шока. Война была обычным делом. С другой стороны, это бесчеловечное систематическое убийство, эта методичная рубка голов, похожая на нарезание стеблей сельдерея, – это было больше, чем он мог вынести. В его мозгу всплыла картинка из его тренировок по выживанию, очень яркая и натуралистичная картинка, на которой их инструктор показывал, как убить курицу, прокусив ей шею и слегка повернув голову. Голова отделилась от курицы и все еще оставалась в зубах инструктора, когда он швырнул молотящее крыльями, мечущееся тело в центр их группы, забрызгав их кровью и заставив нескольких курсантов упасть в обморок. Пока Кордерро, покачиваясь словно пьяный, брел по парижским улицам, он представлял, как палач откусывает головы аристократам и швыряет их тела с помоста в толпу, и вот уже улицы забиты безголовыми, безумно шатающимися трупами, бьющимися о стены и забрызгивающими кровью горожан.

Он потерял счет времени. День близился к концу, и по нарастающему потоку прохожих он понял, что кровавые празднества на сегодня закончились, и начался массовый исход с площади. Впрочем, развлечения на этом не прекратились. Скоро должно было начаться представление другого рода, возможно, не столь драматичное, но не менее значимое для участников. Он угодил в человеческий поток, который вынес его, словно попавший в течение корабль, к Западной баррикаде. Там дородный сержант Революционной армии Бибо руководил вечерним шоу.

Каждый день, начиная с обеда и до момента, когда ворота закрывались на ночь, здесь выстраивалась вереница рыночных повозок, направляющихся на пригородные фермы. Каждый день отчаявшиеся аристократы, бежавшие из своих домов, чтобы спрятаться в каком-нибудь уголке города, пытались вырваться из Парижа, чтобы спастись от гнева Республики. Стремясь вырваться из тисков Комитета общественной безопасности и кровожадного общественного

обвинителя, гражданина Фуке-Тенвиля, они пытались тайком проскользнуть мимо бдительных солдат, таких как сержант Бибо, и бежать из страны, чтобы найти убежище в Англии, Австрии или Пруссии. Их жалкие ухищрения редко срабатывали. Хотя они пытались выдавать себя за нищих, торговцев, крестьян, мужчин, переодетых женщинами, и женщин, переодетых мужчинами, отсутствие опыта в подобных уловках неизменно приводило к их задержанию. Их брали под стражу и отправляли в тюрьму, где они дожидались своей явки к прокурору, за которой без исключений следовала унизительная поездка по улицам Парижа в двухколесной повозке и короткая прогулка вверх по деревянным ступенькам в объятья Madame la Guillotine. Для некогда гордых аристократов, пытавшихся улизнуть через городские ворота, это была последняя, отчаянная азартная авантюра. Для граждан Республики, толпившихся у баррикад, чтобы наблюдать за их потугами, это была упоительная игра.

Сержант Бибо был любимцем толпы. Исполнение своих обязанностей у городских ворот он превратил в отыгрыш роли в некой жуткой театральной пьесе, исполняемую им с особым пафосом. Будучи чрезвычайно наблюдательным и зная в лицо многих аристократов, Бибо гордился тем, что лично отправил на гильотину более пятидесяти роялистов. Он наслаждался вниманием зрителей и подыгрывал аудитории, проводя свои осмотры перед тем, как пропустить людей через ворота. У этого шоумена было садистское чувство юмора. Обнаружив замаскированного аристократишку, он растягивал процесс, играя со своей жертвой, позволяя тому думать, что он вот-вот проскочит, прежде чем разбить все его надежды вычурным разоблачением. Толпа с восторгом ловила каждую деталь. Иногда, пребывая в особо игривом настроении, сержант Бибо и в самом деле выпускал аристократишку наружу, давая ему короткую фору, прежде чем послать людей, чтобы те поймали и загнали его обратно с пинками и криками через городские ворота и к его гибели. В таких случаях толпа всегда бурно выражала одобрение, а он мог забраться на свою неизменную бочку из-под вина, снять шляпу и отвешивать поклоны.

Каждую ночь после закрытия ворот сержант Бибо оставался курить свою глиняную трубку и пить вино, которое ему приносили поклонники, охотно потчую их анекдотами, касающимися его выдающейся карьеры. Особенно он любил рассказывать им историю того дня, когда гражданин Дантон лично пришел посмотреть, как он исполняет свои обязанности. В тот день он разоблачил шесть *ci-devant* аристократов, и министр юстиции лично похвалил его за усердие, с которым он служил народу.

Увлекаемого толпой Кордерро вынесло к Западной баррикаде, где уже собралась большая толпа, чтобы посмотреть, как сержант Бибо дает свой спектакль. Большой, плотного телосложения мужчина с раскрасневшимся лицом и щетинистыми усами, Бибо был втиснут в плохо сидящую форму, словно десять фунтов муки упаковали в пятифунтовый мешок. Длинная вереница тележек и пешеходов уже была выстроена в очередь, придерживаемую людьми Бибо до того момента, когда соберется аудитория подходящего размера. Воздух был пропитан замечательным ощущением товарищества и предвкушением, когда сержант Бибо шел к своему посту, останавливаясь, чтобы обменяться любезностями с некоторыми своими постоянными фанатами, получить хлопок по спине и, как он надеялся, оказаться объектом восхищения молодых женщин из толпы, которых он встречал театральными подмигиваниями и воздушными поцелуями. Кордерро думал, что его сейчас стонит. Он чувствовал, что все внутри его сжалось, и его пробил холодный пот. Он посмотрел вниз на свои руки и увидел, что они дрожат.

К сержанту Бибо начали подводить людей, по очереди, чтобы он мог их проверить и пропустить. Люди из толпы орали подбадривающие клики и предположения.

– Вон тот! Эта борода выглядит фальшивой! Попробуй ее хорошенъко дернуть, сержант Бибо!

– Почему ты сам не подойдешь и не дернешь ее, ты, жалкий роялистский сукин сын! – прокричал обладатель бороды, дюжий фермер.

— Я сделаю больше, чем дерну твою фальшивую бороду, ублюдок! — закричал первый человек, выскочив вперед и пытаясь забраться на телегу только для того, чтобы солдаты Бибо в последний момент оттащили его оттуда.

— Тихо, гражданин! — прокричал сержант Бибо, мелодраматично поднимая руку. — Мигом все уладим! Повернувшись к фермеру, сержант Бибо приятно улыбнулся, пожелал ему хорошего дня и попросил простить рвение доброго гражданина, который всего лишь беспокоился о том, чтобы *ci-devant* аристократы предстали перед судом. — Чисто для проформы, — сказал сержант Бибо, — не согласитесь ли вы показать мне свои руки?

Фермер вздохнул и протянул руки, повернув их ладонями вверх.

— *Merci*, — сказал сержант Бибо. — Это огрубевшие, мозолистые руки работающего человека, — сказал он толпе. — Ни у кого из аристокрашек не было бы таких рук. А борода, похоже, вполне настоящая, — добавил он для убедительности. — Более того, она просто шикарная!

Он шлепнул ухмыляющегося фермера по спине и пропустил его под аплодисменты толпы. Бибо продолжил пристально проверять всех, кто хотел выйти через ворота, устраивая из процесса шоу и стремясь развлечь тех, кого он досматривал, а также людей в толпе.

Следующей подъехала большая и тяжелая повозка, заполненная бочками с вином, и Бибо разыграл целую сцену, открыв каждую бочку и убедившись, что внутри никто не затаился. В результате спрятавшихся аристократов обнаружено не было, и Бибо пропустил повозку. Еще некоторым он разрешил проехать после самого беглого осмотра, так как знал возниц, которые регулярно проезжали через его ворота дважды в день по дороге в город и обратно. Подспудная враждебность прокатилась по толпе, когда к посту сержанта Бибо подкатил элегантный экипаж.

Конечно же, ни один аристократ не был бы настолько глуп, чтобы попытаться покинуть Париж с подобным вызовом. Несколько человек в толпе, находящихся достаточно близко, чтобы заглянуть внутрь кареты, узнали одного из пассажиров, и среди черни мгновенно прошел слух о том, что внутри находится не человек, над которым можно поиздеваться, но очень красивая и знаменитая Маргерит Сен-Жюст, прославленная актриса *Comédie Française*, чей брат, Арман Сен-Жюст, был ведущей фигурой революции и членом Комитета общественной безопасности.

Совсем недавно *citoyenne* Сен-Жюст произвела небольшой фурор, выйдя замуж за богатого английского баронета, сэра Перси Блейкни, став, таким образом, леди Блейкни, но никто не мог обвинить ее в том, что она аристократка, а тем более роялистка. Популярная актриса была хорошо известна как ярая республиканка и сторонница равенства прав при рождении. «Неравенство в судьбе, — любила она говорить, — просто несчастная случайность. Единственное неравенство, которое я признаю и допускаю, это неравенство талантов». Благодаря этому убеждению, ее очаровательный салон на Rue Richelieu был наполнен оригинальностью и интеллектом, остроумием и блеском. Она развлекала представителей театральной профессии, известных писателей и знаменитых *philosophes*, а иногда и высокопоставленных иностранцев, так она и познакомилась с сэром Перси Блейкни.

Когда она вышла за Блейкни замуж, для ее круга это стало настоящим шоком. Они все считали, что его умственные способности были определенно ниже ее таланта. Являясь видной фигурой в модном европейском обществе, он был сыном покойного сэра Алджернона Блейкни, чья жена страдала слабоумием. Старший Блейкни увез больную жену за границу, и там его сын вырос и получил образование. После смерти Алджернона Блейкни и последовавшей вскоре кончины его супруги Перси унаследовал значительное состояние, которое позволило ему много путешествовать за границей, прежде чем вернуться в родную Англию. Он развил в себе вкус к моде и более изысканным и дорогим вещам. Приятный парень с поверхностным чувством юмора, Блейкни стал франтом и кутилой и даже не пытался производить впечатление интеллектуала. Это было бы нелепо, так как он был безнадежно глуп и в целом считался дураком. Он был в полном восторге от жены и, казалось, был совершенно удовлетво-

рен тем, что оставался на заднем плане и купался в ее сиянии. Друзья Маргерит пребывали в полной растерянности, не понимая, как она могла выйти за него замуж, разве только ее привлекла его рабская преданность. Однако, несмотря на то, что Маргерит Сен-Жюст могла покаться неспособной выбрать подходящего мужа, ее было не в чем упрекнуть в плане политики. В то время как вид Блейкни у окна экипажа спровоцировал несколько нелестных комментариев и насмешек, появление сидящей рядом с ним жены было встречено россыпью аплодисментов.

– Какие-то проблемы, сержант? – спросил Блейкни на идеальном, с неуловимым акцентом, французском. – Чем вызвана эта утомительная задержка?

Бибо рассматривал его с явной неприязнью. Мужчина был и богачом, и англичанином, что было его двумя минусами с самого начала, но когда он увидел известную актрису, его манера изменилась, и он снял шляпу и отвесил легкий поклон.

– Прошу прощения, гражданска, – сказал Бибо, полностью игнорируя Блейкни, – но все должны проходить контроль по одному, чтобы я мог предотвратить побег любых аристократических врагов Республики.

– Аристократических врагов? – сказал Блейкни. – Боже милостивый! Означает ли это, что нас должны задержать?

Бибо смотрел на Блейкни, как брезгливая повариха может смотреть на таракана, найденного на ее кухне. – Ваша жена, месье, известный друг Республики, а вы, хотя и аристократ, очевидно, англичанин, что обеспечивает вам безопасность, по крайней мере, на данный момент.

– Спасибо господу за это, – сказал Блейкни, помахивая кружевным платочком перед носом. – Значит, нам будет позволено проехать?

– Я не вижу причин, почему вы не...

В этот момент к сержанту Бибо на полном скаку подлетел капитан, разбросав всех на своем пути. Его слегка норовистая лошадь заставила Бибо отступить на несколько шагов назад и оказаться перед экипажем Блейкни.

– Тут проезжала телега? – требовательно спросил капитан.

– Я пропустил несколько телег, – начал Бибо.

– Телега... повозка... загруженная винными бочками...

Бибо нахмурился.

– Да, была одна – старого торговца вином с сыном. Но я осмотрел каждую бочку и...

– Дурак! – проорал капитан. – Ты проверил пустые винные бочки, а саму повозку ты досмотрел?

– Но зачем... – нервно сказал Бибо.

– Идиот! В той повозке прятались герцог де Шали и его дети! И благодаря тебе им удалось сбежать!

– Послушай, сержант, – произнес сэр Перси, выходя из экипажа, – так нам можно проехать или...

– Как давно они проскочили? – спросил капитан.

– Так ведь вот только-только... – сказал Бибо.

– Тогда, возможно, еще есть время остановить их! Если они сбегут, сержант, ты заплатишь за это головой! Лучше молись, чтобы я их поймал!

Нет, подумал Кордерро, только не дети! Они не могут отправлять на гильотину невинных детей! Забыв о строгом приказе не вмешиваться, Кордерро выскочил перед лошадью в тот самый момент, когда капитан вонзил шпоры в бока животного. Закатив глаза, лошадь поднялась на дыбы и сбросила капитана, который в падении сбил Блейкни с ног. Кордерро врезал жестким прямым в лицо сержанту Бибо и одновременно вырвал из-за пояса пистолет сержанта. Он крутнулся, упавший капитан сумел вытащить свой собственный пистолет. И все же Кор-

дерро оказался быстрее и выстрелил первым, отправив пулю в грудь капитана. Капитан тоже произвел выстрел, но вместо Кордерро пуля прошла через экипаж и попала в леди Блейкни.

Выстрелы напугали лошадей, и они сорвались с места. Кордерро вскочил на подножку кареты, и несущиеся лошади прорвались через городские ворота. Люди Бибо подняли мушкеты и выстрелили в карету, несколько раз попав в Кордерро. Тому удалось открыть дверь и ввалиться внутрь, где он рухнул на пол и потерял сознание.

Толпа у ворот запаниковала при выстрелах и рассеялась, убегая во всех направлениях. Армейский капитан лежал мертвым посреди улицы с пулей в сердце. Схватившись за грудь и кашляя, Блейкни, спотыкаясь, бросился в ворота в тщетной попытке догнать карету. Он продержался порядка ста ярдов, потом упал на колени на обочине дороги и вырвал кровью. Копыта вставшего на дыбы коня капитана размозжили ему грудь, и с каждым шагом его раздробленные ребра приближали неизбежное. Блейкни произнес имя жены и упал в канаву. Его глаза остекленели. Алый Первоцвет был мертв.

1

Биологически Андре Кросс была в середине третьего десятка. Однако, если бы ее возраст исчислялся в хронологическом порядке, то ей было бы намного больше четырнадцати сотен лет. Теперь, после приема курса антиагатических препаратов, ее взросление продолжится. Принимая все это во внимание, ей было трудно смириться с тем, что по меркам XXVII века она только-только вышла из подросткового возраста.

На вопрос о ее биологическом возрасте она отвечала, что ей двадцать шесть. В противном случае ей пришлось бы вдаваться в сложные объяснения. Рассказывать, что она родилась в XII веке у пары баскских фермеров, которые умерли, когда она была еще ребенком. Что она и ее младший брат, Марсель, одни одинешеньки очутились в мире, где им пришлось стать бродячими ворами, делая все возможное для своего выживания и постоянно голодая. Ей пришлось бы объяснить, что она научилась выдавать себя за мальчишку, потому что, как бы ни были уязвимы молодые мальчики-сироты, молодым девочкам приходилось еще хуже. Если все перечисленное еще могло показаться правдой, то дальше речь пошла бы о том, что с ними подружился стареющий бродячий рыцарь с поехавшей крышей, который сделал их своими оруженосцами, чтобы они составили ему компанию и заботились о нем. Взамен он обучил их рыцарскому искусству (ибо никогда не подозревал, что Андре – женщина). В то время как Марсель был слишком нежен и телом, и характером, чтобы стать хорошим рыцарем, Андре преуспела и в том, и в другом. Она была одержима неутомимым стремлением, и под слабоумным руководством стареющего рыцаря она превратила свою молодую и игривую плоть в хорошо скоординированное, широкоплечее и мускулистое тело. Природа не наделила ее роскошной фигурой. Она была стройной и с маленькой грудью. Жизнь в тяжелых условиях и физический труд дали ей форму, которая традиционно не ассоциировалась с женской красотой. Она была жилистой и неестественно сильной, что позволило ей выдать себя за мужчину в том возрасте, в котором большинство неуклюжих девушки превращаются в грациозных женщин. После смерти старого рыцаря она взяла его доспехи и, обмотав свою маленькую грудь тканью, вжилась в роль «вольного компаньона» – наемного рыцаря. Она называлась вымышленным именем Андре де ла Круа и в конце концов нашла службу у принца Иоанна Анжуйского в то время, когда он замышлял захватить трон своего брата Ричарда.

Она оказалась связанный с путешественниками во времени из далекого будущего, хотя тогда она об этом не знала, а если бы и знала, то ничего не поняла бы. Она не подозревала о путешествиях во времени и понятия не имела о войнах во времени – весьма опасном способе урегулирования конфликтов в будущем, в ходе которого солдат отправляли в прошлое, чтобы те сразились в рамках какого-нибудь исторического вооруженного конфликта. Свои первые знания о подобных вещах она получила от дезертира корпуса времени по имени Хантер, обладателя краденой хроноплаты, который сначала помог ей отомстить за убийство брата, а затем перенес в Париж XVII века. Там, по иронии судьбы, она снова оказалась вовлечена в манипуляции людей XXVII века, на этот раз приняв более активное участие в их деятельности в прошлом, которое они называли «минусовой стороной». Если бы не она, то, возможно, двум солдатам – Лукасу Присту и Финну Дилейни – пришлось бы рас проститься с жизнью. В благодарность они удовлетворили ее просьбу и взяли с собой в то время, откуда прибыли.

Если бы ей пришлось кому-то все это объяснять, то ей пришлось бы опустить множество подробностей и спровоцировать новые вопросы, поэтому Андре Кросс (теперь ее звали именно так, да она уже и не помнила имя, данное ей при рождении) не заморачивалась никакими объяснениями. Лишь маленькая горстка людей знала ее истинную историю. Для всех остальных она была обычновенной молодой женщиной XXVII века, поступившей на службу

в корпус времени и определенной в элитный Первый дивизион подполковника Форрестера, более известный как «временные командос».

Впервые прибыв на базу Пендлтон, на временную станцию отправления, она была полностью шокирована будущим. Она буквально ничего не понимала из увиденного и была сильно напугана, несмотря на предостережения Присты и Дилейни ожидать мира, полного необъяснимых чудес. Сейчас, возвращаясь в штаб командования армии времени, она все еще пребывала в полном восторге от нового мира, в котором она очутилась, но для нее он уже перестал быть удивительным и загадочным.

С момента своего появления в XXVII веке она очутилась в руках специалистов, которые подготовили ее к новой жизни в медицинском комплексе временной армии в Колорадо-Спрингс. Во-первых, и это было самым главным, необходимо было определить, окажет ли ее перемещение во времени неблагоприятное воздействие на ход истории. Первая часть этого вопроса была решена, когда выяснилось, что из-за травмы, полученной в бою в какой-то момент в прошлом, она не смогла бы иметь детей. Вторая часть продлилась намного дольше, но исчерпывающие исследования и сопоставление выводов, сделанных специалистами корпуса наблюдателей на минусовой стороне, убедили следователей в том, что удаление Андре из ее естественного периода не будет представлять угрозы для непрерывности времени. Путь к новой жизни в качестве солдата корпуса времени был открыт. Впрочем, это был только первый шаг.

Ей было необходимо пройти курс вакцинации, за которым последовала тщательно подобранный программа противовозрастной медикаментозной терапии, которая сделала потенциальный срок ее жизни намного больше, чем она считала возможным. За этим последовала продолжительная серия тестов, направленных на определение ее психологического профиля, после чего ей сделали операцию по установке кибернетических имплантов, которые позволили ей функционировать в качестве солдата времени и получить имплантное образование, восполнившее знания, отсутствовавшие у нее по причине ее примитивного происхождения. Они рассматривали ее как чистый лист, и программирование продвигалось медленными и тщательно контролируемыми порциями, во время которых за нею велось самое тщательное наблюдение, позволявшее в любой момент времени гарантировать отсутствие сенсорной или мозговой перегрузки.

После завершения длительного процесса она стала полноправным гражданином XXVII века, запрограммированным компьютером на занятие своего места в современном мире с обучением, позволявшим получить должность рядового Первого дивизиона. У нее было самое низкое звание среди всех солдат этого прославленного коллектива, но она уже приняла участие в одной из самых важных миссий в истории подразделения. Оказавшись в XVII веке, она помогла Финну Дилейни и Лукасу Присту, а также агентам АВР, предотвратить террористический заговор, направленный против корпуса рефери. В результате Форрестер лично пригласил ее вступить в свой отряд и пройти обучение для дальнейшей совместной работы с Пристом и Дилейни.

Поднимаясь по трубе лифта к расположению Первого дивизиона в здании штаба армейского корпуса времени на базе Пендлтон, она с нетерпением ждала новой встречи с Пристом и Дилейни. По завершении обучения и подготовки в центре в Колорадо-Спрингс она связалась с офисом администрации Первого дивизиона и попросила, чтобы Прист и Дилейни как можно быстрее вышли на нее. Вскоре, как только они вернулись с задания, она получила от них весточку.

«Настоящим приказываем рядовому Кросс прибыть 1 января 2614 года в 21:00 в гостиную Первого дивизиона в здании штаба КАВ. Поздравляем. Майор Лукас Прист и старший сержант Финн Дилейни, Первый дивизион, КАВ».

Она улыбнулась, когда увидела, что они ждут ее за столом у огромного окна, образующего внешнюю стену гостиной Первого дивизиона. За этим самым столом она сидела с ними, когда впервые встретила полковника Форрестера и впервые попробовала напиток под названием «Скотч». Он помог немного притупить ее ощущения, когда она выглянула в это окно и увидала проплывающие мимо шаттлы, похожие на огромных стальных птиц, в то время как солдаты, заполнившие атриум далеко внизу, показались ей насекомыми – с той огромной высоты, с которой она на них смотрела.

Прист и Дилейни увидели ее и поднялись для приветствия. Андре увидела на столе нечто вроде крестовины, состоящей из средневекового меча с широким клинком и лежащей поперек него рапирой XVII века. Над пересечением двух мечей, в небольшой коробочке на бархатной подушечке лежала золотая эмблема дивизиона – стилизованная единица, делящая пополам горизонтальную восьмерку, символ бесконечности.

Она подошла к столу, вытянулась в струнку и резким движением отдала честь. Лукас улыбнулся, поднял эмблему и прицепил ее к воротнику ее нестроевого камуфляжа. После чего оба мужика встали по стойке смирно и отдали ей честь, а затем каждый из них поцеловал ее самым невоенным образом.

Несмотря на то, что поцелуи были проявлением не страсти, а привязанности, она, тем не менее, была застигнута врасплох.

– В чем дело, – спросил Лукас, увидев выражение ее лица.

– Ни в чем, – ответила она, улыбаясь, – если не считать того, что это первый раз, когда кто-то из вас меня поцеловал. А еще это были мои первые поцелуи, полученные не в детском возрасте.

– Ну, не бери в голову, – сказал Финн, – мы оба можем выступить намного лучше. Как дела, Андре?

– Что ж, спасибо, хотя мне еще надо здорово поработать, чтобы ко всему этому привыкнуть. Мне все еще кажется странным, что я сталкиваюсь с вещами, которые вижу впервые, и вдруг обнаруживаю, что знаю о них все.

– Скорее всего, это никогда не перестанет казаться странным, – сказал Лукас. – Это то, с чем все мы имеем дело постоянно. Хочешь верь, хочешь нет, но ты привыкнешь. Это то, что солдаты называют «субзнанием». Ты научишься жить с этим. Фишка в том, что без этого ты недолго протянешь. Никто из нас не протянул бы.

– Ты отлично со всем справилась, – сказал Финн. – Я говорил с офицером, который отвечал за твою подготовку…

– Полковник Гендерсон, – сказала она.

– Да, он самый. Он сказал, что ему чертовски жаль, что пришлось тебя отпустить. Ты – самый радикальный случай темпоральной релокации в истории корпуса. Он сказал, что прежде мы перемещали людей назад, в прошлое, на минусовую сторону, но, очевидно, еще никого не переселяли с предоставлением постоянного назначения в плюсовом времени. Он из кожи лез, пытаясь перевести тебя в свое подразделение.

– Он был не один такой, – сказала Андре. – Вербовщики тоже хотели меня заполучить. Очевидно, в качестве примера женщины, которую солдаты могли бы встретить в минусах, я могла бы стать хорошим стимулом для поступления на военную службу.

Она рассмеялась.

– Неважно, что это было бы заблуждением, но я находила все это чрезвычайно забавным. Конечно, в этом времени к женщинам относятся гораздо лучше, чем в том, из которого я родом, но полагаю, что некоторые вещи никогда не изменятся. Офицер вербовки пытался прыгнуть выше головы, пытаясь заставить меня подписать какие-то бумаги, и он был очень расстроен, когда я сказала ему, что все, что меня касается, нужно предварительно согласовывать с полковником Форрестером. Кстати, где старик? Я надеялась его здесь увидеть.

Лукас улыбнулся.

– Только никогда не называй его «стариком» в глаза! Он хотел быть здесь, но у него не получилось. Что-то всплыло, и его вызвали наверх, а это значит, что либо Дилейни опять что-то натворил, либо есть хороший шанс, что мы скоро куда-нибудь отправимся.

– Означает ли это, что меня задействуют? – спросила Андре.

Финн постучал пальцем по ее воротнику с эмблемой дивизиона на нем.

– Ты официально стала одной из нас, – произнес он. – И нам следует незамедлительно заняться упущенной областью твоего образования.

Андре нахмурилась.

– Но меня заверяли, что мое программирование достаточно полное, – сказала она.

– Полное, если не считать одного момента, – сказал Финн. – Того, который нельзя пройти с помощью импланта. Теперь, когда ты солдат, тебе придется научиться пить как солдат.

– Так ты намекаешь, что я слабо подготовлена по этой теме? – спросила она с улыбкой.

– Ну, скажем так, тебе еще предстоит доказать, что это не так, – сказал Финн, хихикая.

– Звучит как вызов.

Финн улыбнулся.

– Назови свой яд, – сказал он.

Андре посмотрела на него в изумлении. Она знала, что Дилейни был потрясающим пьяницей, но она также вспомнила, что был один напиток, в частности, предпочитаемый полковником Форрестером, который Дилейни по-настоящему ненавидел. Она его не пробовала, но вспомнила, как Дилейни говорил, что для того, чтобы его вынести, требуется желание смерти и чугунный желудок.

– Красный глаз, – сказала она.

На Дилейни было жалко смотреть.

– О, нет!

Лукас затрясся от смеха.

– Ставлю десять увольнительных на то, что она тебя загонит под стол, – сказал он.

– Добро, заметано, – сказал Дилейни. – Только давай сделаем процесс еще интереснее. Если ты хочешь получить выигрыш, тебе придется пить с нами наравне.

– Мне кажется, я смогу сделать все еще интереснее, – сказала Андре. – Прошло много лет с тех пор, как у меня был мужчина, и последний оставил желать лучшего. Мы все будем пить в одинаковых количествах, и если один из вас выиграет, я с ним пересплю.

Двое мужчин подняли брови и обменялись взглядами.

– Но давай предположим, что победишь *ты*, что тогда? – сказал Лукас. – Несмотря на ничтожную вероятность такого исхода, – добавил он.

Андре улыбнулась.

– Тогда вы скинетесь и купите мне услуги куртизанки 1-го класса.

– 1-го класса… Да где ты вообще, черт возьми, об этом узнала? – сказал Дилейни. – Они вставляют такие вещи в программирование?

– Похоже, мой терапевт в Колорадо Спрингс думала, что я была сексуально обделена, – сказала Андре. – Она выдвинула такой вариант решения. Идея шлюхи-мужчины меня сильно заинтриговала, и я обещала над этим подумать. Она уточнила, что лучше потребовать первый класс, так как у них самый высокий уровень навыков.

– Ты хотя бы имеешь представление, во сколько *обойдется* подобная затея? – сказал Финн. – Для достижение рейтинга 1 класса нужны годы.

– Ну, ты же сам предложил сделать пари более интересным, – сказала она.

– Ты же сознаешь, что добавляя в пари куртизанку 1 класса, ты выставляешь себя по нехилой цене? – спросил Лукас с намеком на удивление.

Ее ответ был совершенно серьезным.

— Я все делаю осознанно, — ответила она.

Лукас хмыкнул.

— Хорошо, я в игре. О чем ты думаешь, Финн?

— Я все еще пытаюсь понять, могу ли я себе это позволить, — сказал Дилейни. — Майор получает гораздо больше сержанта.

— Так кто же просил тебя залетать столько раз? — сказал Лукас. — Я вот что тебе скажу: если Андре выиграет, я добавлю тебе недостающее — под обычную процентную ставку. Что скажешь?

— Это может стоить очень дорого, — сказал Дилейни.

— Конечно, если ты думаешь, что проиграешь... — сказала Андре.

— Хорошо, я принимаю ставку, — сказал Финн. — Только при одном условии. Я назову время и место. И когда я получу выигрыш, я хочу, чтобы мы оба были трезвыми как стеклышико.

Финн и Лукас вошли, пошатываясь, в комнату для инструктажа, оба с ужасного похмелья. Глаза Дилейни выглядели, словно карта городского транспорта. Присту казалось, что он уничтожил слизистую оболочку желудка. В комнате они обнаружили Андре, она пила черный кофе и выглядела на удивление бодрой и свежей. Она взглянула на них и очаровательно улыбнулась.

— Ну? — сказала она. — Я научилась пить как солдат, или мне все еще нужно тренироваться?

— Чтобы я когда-нибудь с тобой еще раз побился об заклад... — сказал Финн, медленно опускаясь в кресло и показывая жестом ординарцу, что он тоже выпил бы чашку кофе.

Лукас погрузился в кресло по другую сторону от нее.

— До сих пор не могу поверить, что она была достаточно трезвой, чтобы получить свой выигрыш, — сказал он. Прист посмотрел на Андре и с сожалением покачал головой. — Принимая во внимание его цену, я очень надеюсь, что твои мозги оставались достаточно ясными, чтобы запомнить все, что последовало дальше!

— О, это было довольно незабываемо, — беспечно сказала она. — Мне повезло — вчера вечером в гостиной была женщина-офицер, которая помогла мне с выбором. Я объяснила ей суть нашего пари, и она была рада подсобить. Она изучила ваши кредитные диски и запрограммировала перевод средств, а затем поспособствовала мне сделать правильный выбор. Должна сказать, я нашла весть процесс абсолютно очаровательным. Однако я понятия не имела, что у этих куртизанок почасовая оплата. Должно быть, это чрезвычайно прибыльная профессия.

Финн закрыл глаза.

— Сколько ты его продержала?

— Ах, всю ночь, естественно.

Дилейни сунул голову в ладони и застонал.

— Смии-рина! — произнес ординарец, когда полковник Форрестер вошел в комнату для инструктажа.

Андре вскочила на ноги и встала в изящную стойку. Лукас поднимался значительно дольше, а Дилейни даже не стал пробовать, завалившись в кресле с зажатой в руках головой.

Массивный Форрестер снял фуражку с лысой головы и обвел их взглядом, на его грубо-ватом, испещренном морщинами лице появилась гримаса насмешливого отвращения.

— Отставить, — сухо произнес он.

Андре и Лукас сели обратно.

— Капрал Флеминг, — сказал Форрестер.

— Да, сэр, вот, — сказал ординарец.

Он уже подготовил пистолет для инъекций. Дилейни вздрогнул, когда капрал прижал пистолет к его шее и вколол адренергетик, прозванный солдатами «нитро», прямо в сонную артерию.

— *Иисусе!* — закричал Финн, когда «нитро» вломил ему по мозгам. Его скрутило прямо на кресле. Глаза его закатились, и он задрожал, словно охваченный пляской святого Витта.

Ординарец подошел с пистолетом к Лукасу, но Форрестер остановил его, сказав: «Все в порядке, капрал Флеминг. Пока он может встать без посторонней помощи, он достаточно трезв для меня. Просто принеси майору еще кофе».

— Слушаюсь, сэр.

Капрал выглядел разочарованным.

— Дилейни, — произнес Форрестер.

— Сэр!

— Клянусь, я думаю, тебе это начинает нравиться. Как думаешь, мы можем начинать?

— Блядь, да!

— Простого «да, сэр» было бы достаточно.

— Так точно, сэр!

— Сядь и заткнись, Дилейни. И перестань дергаться, как обезьянка на палке. Это раздражает.

Дилейни сел на место, вцепившись в ручки своего кресла мертвой хваткой. Он пытался совладать с выбросом энергии, но все равно продолжал выбиривать словно эпилептик.

Форрестер посмотрел на Андре и улыбнулся.

— Рад, что ты с нами, рядовой Кросс. Поздравляю.

— Благодарю вас, сэр.

— Думаешь, ты готова к заданию?

— Так точно, сэр.

— Хорошо, рад это слышать. Оно должно обеспечить тебе приличную встряску. Не думаю, что у тебя будут большие проблемы после интрижки хранителя времени. На этот раз все должно быть намного проще.

— Сделаю все, что в моих силах, сэр.

Форрестер кивнул.

— Прист, ты в порядке?

— Просто небольшое похмелье, сэр.

— Должно быть, вы вчера вечером что-то отмечали, — сказал Форрестер. — Жаль, что я все пропустил.

— Сэр, мы позовем вас в следующий раз, как только вернемся, — сказал Лукас. — Я бы с удовольствием посмотрел, как вы с рядовой Кросс пропустите несколько порций вместе. Она глушит «Красный глаз», будто это чай со льдом.

— Правда? Что ж, приятно знать, что в этом подразделении есть хотя бы один человек, способный удержать выпитое. Сколько ты проиграл?

— Я бы предпочел не говорить, сэр.

— Все так плохо? — Форрестер хихикнул. — Кросс, нам с тобой предстоит хорошенько принять на грудь. Не думаю, что эти два дилетанта в одном с нами классе.

— В любое время, сэр, — сказала Андре. — И с удовольствием.

— Хорошо, считай это свиданием. А теперь не пора ли нам перейти к делу?

Форрестер подошел к трибуне с консолью и прислонился к ней.

— Вы, парни, будете рады узнать, что в этом задании вы будете достаточно автономны, — сказал он, — это значит, что там не будет Агентства временной разведки, с которым пришлось бы считаться.

— Проклятые шпики, — сказал Дилейни, дрожь которого начала понемногу утихать.

— Держи свое мнение при себе, Дилейни, — заметил Форрестер. — В любом случае, вам может быть интересно узнать, что после крайнего задания корпус рефери посчитал целесообразным предоставить армии исключительные полномочия в отношении заданий по времененным

корректировкам, что означает, что АВР вернулось к своей роли по сбору разведданных под эгидой корпуса наблюдателей. Это совсем не устроило Дарроу, поэтому он ушел в отставку, и теперь у агентства новый директор, пришедший из корпуса наблюдателей. Надеюсь, это положит конец соперничеству между нашими родами войск. Я также навел данные об агенте Мангусте на случай, если вам будет интересно узнать, что с ним случилось дальше. Какое-то время он находился в критическом состоянии, но потом хорошо восстановился. Ему также вернули прежние черты. Он был понижен с должности директора полевых операций до сотрудника отдела оценки разведывательных данных, и я полагаю, что пройдет еще много времени, прежде чем ему доверят другое полевое задание. Учитывая то, что он натворил, его просто шлепнули по рукам, если вас интересует мое мнение, но это не моя забота. Кстати, Дилейни, мне дали понять, что вы двое не сошлись во мнениях и хотели выяснить отношения наедине, между собой. Излишне говорить, что я не хочу слышать о каких-либо нарушениях правил, но я не буду расстроен, узнав, что агент Мангуст был временно исключен из списка активных сотрудников АВР в связи с необходимостью оказания ему дальнейшей медицинской помощи. В этой связи я надеюсь, что любые «обсуждения» между вами двумя будут проводиться с особой осмотрительностью.

– Я об этом позабочусь, сэр, – сказал Дилейни.

Он уже лишь слегка ерзal.

– Ты сможешь позаботиться об этом в свое свободное время, – сказал Форрестер. – Прямо сейчас, есть более неотложные дела, которые требуют нашего внимания. У нас есть срочная корректировка, и вы будете немедленно отправлены на место сразу после этого инструктажа. Он нажал кнопку на консоли, активировав компьютер.

– Форрестер, код 321-G, доступ – синий, – произнес он.

– Доступ подтвержден, – сказал компьютер. – Чем могу помочь, полковник?

– Запросить общую информацию о Французской революции, примерно с 1789 по 1799 год, – сказал Форрестер.

– Выполняется, – сказал компьютер. – Вам нужна визуализация?

– Если понадобится, я укажу, какая именно, – сказал Форрестер. – Начинай по готовности.

– Французская революция, непосредственные причины, – сказал компьютер. – Быстрый рост французской промышленности и торговли в конце 1700-х годов, приведший к росту среднего класса; несправедливое налогообложение – многочисленные случаи освобождения от налогов аристократов и членов духовенства; ослабление старого режима Парижским договором 1763 года, по которому французские владения в Индии и Северной Америке перешли к англичанам; последующая потеря доходов правительства; дальнейшее истощение казначейства из-за расходов, понесенных при оказании помощи американцам в их восстании против англичан; банкротство королевской казны в 1787 г.; отказ короля Людовика XVI ввести необходимые социальные реформы; рост движения *philosophie*, ведущего к…

– Хватит, – сказал Форрестер. – Дальше.

– 5 мая 1789 года, – сказал компьютер. – Король Людовик XVI созвал в Версале совещание генерал-губернаторов, чтобы собрать деньги для казны. Представительство состояло из 300 аристократов, 300 священнослужителей и 600 представителей общин, *tiers état*, или третьего сословия. Немедленное обсуждение вопроса о праве голоса привело к тому, что 17 июня 1789 года депутаты третьего сословия объявили себя Национальным собранием. 20 июня заседания были прерваны, и члены Ассамблеи дали *Клятву в зале для игры в мяч*, названную так в честь места их неофициальной встречи, приняв решение о разработке проекта конституции. К Ассамблее присоединились представители духовенства и аристократии. Граф де Мирабо приобрел известность как главный оратор третьего сословия. 11 июля Людовик XVI отправил в отставку премьер-министра Жака Неккера и пригрозил распустить Ассамблею, что привело

к штурму Бастилии толпой 14 июля, убийству губернатора Лонэ и освобождению политических заключенных. Неккер отправлен в отставку, командующим новой Национальной гвардии был назначен маркиз де Лафайет, далее последовало принятие триколора и начало эмиграции представителей аристократического класса. По всей Франции прокатились массовые восстания. 4 августа 1789 года представители аристократии отказались от всех феодальных прав и привилегий, титулы были отменены, продажа должностей запрещена, гильдии распущены. 27 августа 1789 года Ассамблея приняла Декларацию прав человека, основанную на английских и американских precedентах и теориях *philosophes*. 5 октября 1789 года вспышка насилия толпы в Париже привела к тому, что толпа, состоящая в основном из женщин, вторглась в королевский дворец в Версале. Королевская семья была спасена маркизом де Лафайетом. Национальное собрание приняло конституцию, согласно которой монархия становилась подотчетной однопалатному законодательному собранию. Имущество церкви и эмигрировавших дворян было конфисковано правительством для пополнения государственной казны. Государство взяло на себя поддержку духовенства. В июле 1790 г. были упразднены старые провинции и правительства. Франция была разделена на 83 департамента, разделенных на 374 округа и кантона, каждый – с собственным собранием. Обладавшие правом голоса или активные граждане уплачивали налог в размере трехдневного заработка; не обладавшие правом голоса или пассивные граждане не уплачивали налог или же платили сумму, не превышающую трехдневный минимум. Старое юридическое законодательство было отменено. Гражданской организацией духовенства, при которой священники и епископы выбираются народным голосованием, сопровождалась ростом политической мощи Якобинского клуба под руководством Робеспьера и Кордельеров под руководством Жоржа Жака Дантона и Жана-Поля Марата. 20 июня 1791 года король Людовик XVI попытался бежать из Франции со своей семьей, но был пленен в Варенне и доставлен обратно в Париж. 30 сентября 1791 года члены Национальной ассамблеи проголосовали за ее роспуск. 1 октября 1791 года прошли выборы в Законодательную ассамблею. Ее 745 членов были избраны активными гражданами и разделены на две фракции: правую, состоящую из конституционалистов и роялистов, и левую, в которую вошли жирондисты, якобинцы и кордельеры. 27 августа 1791 года в саксонском замке Пильнице была подписана декларация Фридриха Вильгельма II Пруссского и Леопольда II Австрийского, результатом которой стало заключение в феврале 1792 года союза Австрии и Пруссии против Франции, положившего начало войне Первой коалиции.

– Стоп, – произнес Форрестер. – Ладно, это основные моменты, остальное вы получите во время программирования перед заданием. Ключевой момент здесь связан с тем, что корпус рефери назначил арбитражное разбирательство, которое должно было состояться во время войны Первой коалиции. По всей Франции прозвучал призыв добровольно вступать в армию, и солдаты корпуса времени были отправлены в различные населенные пункты ключевых муниципалитетов для инфильтрации в качестве добровольцев во французскую республиканскую армию. Компьютер, продолжай.

– 10 августа 1792 года, – сказал компьютер, – взбунтовавшаяся толпа ворвалась в Тюильри, перебила швейцарских гвардейцев и заставила короля обратиться за защитой к Законодательному собранию. Ассамблея отправила короля в тюрьму и лишила его всех оставшихся полномочий. При правлении временного правительства во главе с Жоржем Жаком Дантоном прошли массовые аресты. 2–7 сентября 1792 года во время сентябрьской резни...

– Стоп, – сказал Форрестер. – К этому времени среди оставшихся во Франции аристократов началась поголовная паника. Компьютер, общий обзор эмиграции аристократов около 1792 года.

– Эмиграция *ci-devant* аристократов была насильственно предотвращена временным правительством, – сказал компьютер. – Комитету общественной безопасности под руководством государственного прокурора Фукье-Тенвиля, назначенного для обеспечения внутренней без-

опасности Франции, было делегировано право арестовывать и казнить врагов Республики. Массовые попытки членов аристократии бежать из Франции, некоторым из них помогали иностранные граждане...

– Стоп, – сказал Форрестер. – Общие данные по Алому Первоцвету.

– Выполняется, – сказал компьютер. – Алый первоцвет: очный цвет полевой (*Anagallis arvensis*) с алыми, белыми или пурпурными цветами, которые закрываются при приближении дождливой или пасмурной погоды – также называемый *барометром бедняка* или алым первоцветом. В связи с Французской революцией – эмблема и название Лиги Алого Первоцвета, группы британских авантюристов, участвовавших в незаконном вывозе французских аристократов в Англию, в частности, псевдоним их предводителя, сэра Перси Блейкни...

– Визуализация, пожалуйста, – сказал Форрестер.

Секундой позже на подиуме появилось голограммическое изображение сэра Перси Блейкни. Проекция явила высокого, широкоплечего и спортивного мужчины со светлыми волосами, голубыми глазами и волевым подбородком. Он выглядел красавцем, но на его лице блуждала смутная скука, из-за чего он казался каким-то сонным и вялым. Он был одет в атласное пальто с короткой талией, жилет с широкими лацканами, облегающие бриджи и начищенные сапоги. Его рукава и воротник были отделаны тонким мехлинским кружевом, и он стоял в неестественной позе: одна нога немного впереди другой, одна рука на бедре, другая согнута перед ним и держит кружевной платок в свободной, непринужденной манере.

– Просто душка, – сказал Дилейни.

– Вот твое задание, Дилейни, – сказал Форрестер. – Именно так ты будешь выглядеть через несколько часов.

– Почему я? – спросил раздосадованный Дилейни.

– Потому что Присту не хватает роста, а ты – подходящего телосложения, – сказал Форрестер.

– Черт, – сказал Дилейни. – Хорошо, давайте выслушаем остальное.

– Корректировка обусловлена временным вмешательством одного солдата по имени Алекс Кордерро, назначенного для участия в арбитражном разбирательстве по ходу войны Первой коалиции, – сказал Форрестер. – Это была его первая полевая вахта, и последующее расследование показало, что его вообще нельзя было принимать на службу. Слишком нестабилен, с высоким потенциалом срыва в момент стресса. К сожалению, корпус так сильно нуждается в пушечном мясе, что в наши дни мы принимаем практически всех. В результате этой первоклассной политики мы получили корректировку.

– Кордерро нарушил директивы о невмешательстве, – сказал Форрестер. – Он попытался предотвратить поимку нескольких сбежавших аристократов и в результате застрелил капитана армии Республики. Блейкни и его жена оказались на месте происшествия... Если верить наблюдателям, которые реконструировали произошедшее, похоже, что леди Блейкни была ранена в перестрелке, а сам Блейкни был затоптан лошадью. Кордерро прорвался через Западную баррикаду в карете Блейкни, но в него попало несколько пуль. Очевидно, он потерял сознание и истек кровью до смерти. Наблюдатели обнаружили экипаж в лесистой местности в нескольких милях от Парижа. Лошади понесли и ушли с дороги, каким-то образом умудрившись втиснуть карету между двумя деревьями. Внутри они нашли Кордерро, мертвого. Леди Маргерит Блейкни была жива, но тяжело ранена и без сознания.

– А что сэр Перси? – сказал Дилейни.

– Он остался в Париже, – сказал Форрестер.

– И где он сейчас?

– Ну, наблюдателям удалось убрать его тело...

– *Его тело!* Вы хотите сказать, что он *мертве*?

– Грудь проломлена копытами лошади, – сказал Форрестер.

Дилейни обильно слотнул.

– Подождите, я хочу во всем разобраться, сэр. Вы говорите, что мое задание – быть подсадкой? Темпоральная релокация?

– Все верно.

– *Надолго?*

– Пока непонятно, – сказал Форрестер. – Мы должны убедиться, что аристократы, вывезенные Блейкни и его группой из Франции, не попадут на гильотину. Он также сыграл важную роль в отстранении от власти некоего французского чиновника по имени Шовлен, являвшегося агентом Комитета общественной безопасности. Поскольку операции Блейкни носили тайный характер, у нас не так много информации о нем и его группе.

Но недавно мы получили дополнительные данные, благодаря нашим друзьям из АВР. Во всяком случае, несмотря на то, что все не выглядит совсем просто, по крайней мере, вам не будут противостоять представители нашего времени, как это было в нескольких ваших предыдущих заданиях.

– Тем не менее, – сказал Дилейни, – вы хотите сказать, что я могу занять место Блейкни навсегда.

– Это, по сути, верно, – сказал Форрестер, – по крайней мере, до тех пор, пока АВР не сможет точно определить, какой была его деятельность в годы, последовавшие за его участием в Революции. Впрочем, все это будет не таким уж неприятным, – добавил он. – Компьютер, визуализация леди Маргерит Блейкни.

Голографическая проекция сэра Перси Блейкни исчезла, и появилась его жена, бывшая Маргерит Сен-Жюст. Дилейни слотнул, а Прист тихо присвистнул.

Форрестер улыбнулся.

– Мне кажется, что жизнь с леди Блейкни будет в тяжесть, – сказал он.

Он хихикнул.

– Честно говоря, Дилейни, я думаю, тебе будет, чем заняться.

2

Поскольку Дилейни был единственным, кто собирался выдать себя за исторически значимую личность, остальные обошлись без косметической хирургии. Поэтому после окончания программирования задания, пока Финн трансформировался в образ сэра Перси Блейкни, Лукас и Андре навестили снабженцев, получили снаряжение и спустились по трубе к находящейся на первом этаже станции отправки.

Принадлежность к команде корректировки Первого дивизиона обеспечивала им приоритетный статус, поэтому ждать своей очереди не пришлось. Вместо этого шаттл быстро доставил их в ближайшую зону решетки, откуда они вскоре перенесутся в XVIII-й век. Попадавшиеся по пути, приготовившиеся к отправке бойцы, одетые согласно историческим эпохам, принимали строевую стойку и отдавали им честь. Одежда Лукаса и Андре также соответствовала периоду, но на нашивке Присты была четко различимая эмблема, да и тот факт, что они находились в шаттле, обычно зарезервированном для офицеров, обозначил их статус для групп солдат, ожидающих перемещения во времени. Те из них, кто оказывался достаточно близко к проезжающему мимо шаттлу, чтобы увидеть их выставленные поверх одежды серебряные жетоны и эмблемы дивизиона, добавляли к салютамуважительные кивки головой. С точки зрения военного этикета не существовало строгого правила кивать головой во время приветствия, но такова была неформально установленная практика среди членов корпуса – выделять таким образом тех, кто нес службу в Первом дивизионе. Серебряные жетоны дивизиона заметно контрастировали с жетонами регулярных юнитов с нанесенными на них цветными кодами. Члены корпуса наблюдателей носили золотые жетоны, и только бойцы Первого дивизиона имели серебряные. Жетоны означали, что их владельцы собирались на минусовую сторону, а серебряные жетоны давали понять, что команда регулировки оправляется решать проблему с разрывом истории. В корпусе времени не было ни одного бойца, который не знал бы значения этих серебряных жетонов, и кивки были одновременно и приветствием, и негласным пожеланием удачи.

Андре все еще восхищалась видом всех этих солдат, одетых в одежды разных эпох, ожидающих своей очереди на просторной площади рядом с грудами снаряжения. Кто-то курил, кто-то пил, другие болтали, некоторые спали, а зеленые новобранцы были легко узнаваемы по их нервному напряжению и волнению. Они проехали мимо группы римских легионеров в нагрудниках, сандалиях и шлемах с плюмажами, обступивших игровой автомат. Те по очереди пытались победить игровой компьютер, смеялись и кричали, словно маленькие дети, шлепая друг друга по спине и подбадривая. При их приближении взвод вестголов вскочил по стойке «смирно», быстро пряча в кулаках несколько крошечных металлических снифферов, которыми они обменивались между собой. Дальше им повстречалась группа крестоносцев с красными крестами на груди, среди них был совсем зеленый новобранец, нервно помахивающий короткой булавой. При виде шаттла парень вытянулся в струнку и, механически, попытался резко отдать честь. К сожалению, он стал салютовать рукой, держащей булаву, и раздавшийся «бом», когда он заехал ею себе по голове и рухнул на пол с металлическим грохотом, вызвал почти истерический смех у его товарищей.

Наземный шаттл подвез их к воротам решетки отправки – большой статичной хроноплате, которая отличалась от портативных персональных устройств тем, что могла переваривать целые взводы солдат за один присест. Берберийские пираты, первые в очереди на отправку, поспешили расступиться, как только увидели, как они проходят в ворота и направляются сообщить детали транспортировки. ДО вытянулся и отдал честь. Лукас отдал честь в ответ, затем снял нарукавную повязку со знаками различия и закрепленной над ними эмблемой дивизиона и передал ее ДО вместе со своими серебряными жетонами. Андре поступила так же.

Дежурный офицер снял с жетонов цепочки, после чего поместил жетоны с цепочками и нарукавными повязками со знаками различия в отдельные пластиковые боксы. Со словами «С вашего позволения, сэр» он быстро и эффективно обыскал Лукаса – в соответствии с инструкцией, чтобы убедиться, что никакие несанкционированные предметы не отправятся в прошлое вместе с ним, намеренно или непреднамеренно. Другой офицер смены провел такую же процедуру в отношении Андре. Человек, который обыскивал Андре, к ее стыду, нашел у нее кредитный диск. Она совершенно о нем забыла.

– Прошу прощения, сэр, – сказала она сержанту. – Наверное, я механически переложила его в карман, когда переодевалась.

– Не волнуйся об этом, солдат. Обычное дело. Он поместил компьютерный диск в один пластиковый бокс с ее повязкой и жетоном.

Затем ДО взял два жетона, на которых были записаны нужные им коды, отделил их от нашейных цепочек и вставил поочередно в крошечную прорезь в банке управления решеткой. Он подождал минуту, наблюдая за экраном считывания данных, затем кивнул.

– Приготовьтесь, сэр, – сказал он Лукасу.

Прошло несколько секунд, и края сетки начали мягко светиться.

– По готовности, – произнес ДО. – Удачи, сэр.

– Спасибо, лейтенант, – ответил Лукас. – Ладно, Андре, вперед.

Они вошли в созданное решеткой поле и исчезли.

Дилейни ступил из лимба на мягкую, влажную траву. Он был закаленным ветераном путешествий во времени, и хроноплаты не действовали на него так же сильно, как на большинство солдат, которые обычно блевали по прибытии и страдали от временных приступов головокружения и мышечных судорог, а также от двоения в глазах и атаксии. Однако он чувствовал себя слегка дезориентированным и не в себе. На мгновение он пошатнулся и сделал несколько неуклюжих шагов, качаясь словно пьяный, но вскоре последствия прошли, и он сориентировался в новом окружении.

Он оказался на небольшой поляне в лесу, вернее в роще. Зная что находится недалеко от Парижа, он разглядел среди деревьев дорогу, ведущую в город. Наводчики переправили его довольно близко к координатам. Впрочем, Финна перемещали и в гораздо более тесные места. Один из кошмаров, который время от времени снился каждому солдату, состоял в отправке во время и место, занятые другим человеком или предметом. Наводчики, как правило, были чрезвычайно эффективны в предотвращении таких совпадений, но все же неизбежные несчастные случаи происходили. Однажды Финн почти что оказался в такой ситуации, когда материализовался на поляне в лесу, почти такой же, как та, на которой он стоял сейчас. За мгновение до его появления на поляну выбежал кролик. Когда Финн переместился, он шагнул вперед, наступил на бегущего кролика и раздавил его. Тот издал жалобный визг, поразительно похожий на крик ребенка, и в какой-то ужасный момент Финн подумал, что это младенец. Ему пришлось убить бедное животное, чтобы избавить его от страданий, и с тех пор он нервничал во время каждой материализации.

Впрочем, на этот раз все прошло хорошо, и, осмотревшись, он заметил приближающееся к нему замаскированного под крестьянина наблюдателя. Наблюдатель ничем не отличался от любого другого крестьянина того времени, но тот факт, что он целенаправленно приближался к человеку, который только что материализовался из воздуха, словно не произошло ничего необычного, выдавал в нем того, кем он являлся. Он подошел, ведя в поводу рыжую кобылу.

– Майор Фишрой, – сказал он.

– Сержант Дилейни.

Наблюдатель кивнул.

— Карета примерно в двухстах ярдах вниз по дороге, немного в стороне от нее, — сказал он. — Ее нельзя не заметить. Она застряла, но мы об этом позабочились. А теперь слушай внимательно, ситуация следующая. Мы изъяли тело Кордерро. С леди Маргерит Блейкни все в порядке. Пистолетная пуля задела ее голову, но это была всего лишь царапина, так что мы ее залатали. Нанесли немного пластика на ее лоб, и она никогда не узнает, что в нее попали. Во внутренней части экипажа есть отверстие, оставленное пулей после того, как она прошла через окно и коснулась головы, поэтому, если у нее есть какие-то воспоминания о том, как в нее стреляли, покажи ей куда попала пуля и скажи, что, похоже, что она упала в обморок и ударились головой. Это объяснит любую боль, которую она может почувствовать позже, когда наркотик перестанет действовать. Лошади кареты, должно быть, понесли после выстрела, так что маловероятно, что она видела, что случилось с Блейкни, даже если она все еще была тогда в сознании. Твоя история состоит в том, что тебя сбила лошадь, и какое-то время тебе было трудно дышать. Ты взял лошадь капитана и помчался вслед за экипажем, как только дыхание восстановилось.

— А что Кордерро? — спросил Дилейни. — Что я ей скажу, если она спросит о нем?

— Скорее всего, она не спросит, — ответил Фицрой. — Похоже, она уже была без сознания, когда он запрыгнул на подножку. Если она что-нибудь вспомнит об этом, то ты видел, как он соскочил и убежал в лес, а вы помчались дальше. Эта же история пригодится, если будут преследователи из города, которые вас догонят. Если это произойдет, у них не будет причин тебя задерживать, зато ты сможешь выдвинуть теорию, что Кордерро был замаскированным аристократом. Это должно подтолкнуть их к тому, чтобы заняться его поиском, позволив тебе продолжить свой путь.

— Все ясно, — сказал Финн. — Мы направляемся в Кале?

— Точно. Там ждет яхта Блейкни, чтобы доставить тебя в Дувр. Команда поддержки присоединится к тебе в гостинице «Отдых рыбака» в Кенте. А теперь давай убедимся, что ты помнишь их легенду.

— Это семья слуг, которые присматривали за моей собственностью в Руане, и их загодя отправили в Англию, чтобы подготовить для нас поместье, ведь мои владения во Франции отобраны правительством.

— Хорошо. Тебе следует быть очень осмотрительным с леди Блейкни, — сказал Фицрой. — Несколько месяцев назад она донесла на маркиза де Сен-Сира, обвинив его в том, что он искал поддержку у Австрии, чтобы свергнуть Революцию. Он был арестован, предан суду и отправлен на гильотину вместе со всей семьей.

— Славная леди, — сказал Финн.

— Блейкни, похоже, разделял твои чувства, — сказал Фицрой. — Он только недавно узнал об этом, и когда это произошло, он полностью в ней разочаровался. Их отношения с тех пор, мягко говоря, были немного напряженными. Блейкни был внимателен и вежлив с нею, но не более того. В последнее время она стала придираться к нему на людях.

— Вот тебе и леди Блейкни, с которой не будет проблем, — произнес Финн.

— Ты о чем это?

— Да так, ни о чем. Просто думаю о словах моего начальника.

— Просто будь с нею очень осторожен, — сказал Фицрой. — Помни — она республиканка и ей нельзя доверять. Если она узнает, что ты занимаешься контрабандой аристократов из Франции, никто не скажет, что она может сделать.

— Потрясающе, — сказал Финн. — Есть другие хорошие новости для меня?

— Боюсь, что так, — сказал Фицрой. — У нас пока нет полного списка всех аристократов, вывезенных Блейкни из Франции. АВР все еще работает над этим, но это чертовски сложное дело, и они должны отделить тех, кого вывезла группа Блейкни, от тех, кто выбрался сам. Мы также должны быть особенно осторожны, чтобы вы не спасли тех, кого не должны были спасать.

– Какая прелесть, – сказал Финн. – И как мне выяснить кого вытаскивать?

– С тобой свяжутся в нужный момент, – сказал Фицрой. – Если это будет кто-то другой, то кодовое слово будет «полевой цветок». Это идентифицирует твой контакт.

Финн поморщился.

– Это сработает просто отлично, если только кто-нибудь в разговоре не упомяннет полевые цветы. Сделай мне одолжение. Забудь про плащ и кинжал, Фицрой. Если кто-нибудь случайно подойдет к Перси Блейкни и обратится к нему как к Дилейни, я буду считать, что это мой связной, хорошо?

– Полагаю, это сработает, – сказал Фицрой.

– Приятно видеть подобную гибкость, – сказал Финн с сарказмом. – А что насчет доступа к хроноплате?

– Не могу его тебе предоставить, – сказал Фицрой. – Уж извини. Это было бы слишком рискованно. Тем не менее, я постараюсь работать как можно ближе к тебе – насколько будет позволять ситуация. Если ты попадешь в переделку или по какой-то причине тебе понадобится со мною связаться, используй кнопку паники. Полагаю, ты проверил импланты?

– Естественно, – сказал Финн с нетерпением.

Ни один грамотный солдат не отправится на задание, не убедившись в работоспособности своего сигнального импланта, расположенного за ухом под кожей.

– Хорошо, – сказал Фицрой. – И еще один момент. Блейкни только начал свою карьеру контрабандиста незадолго до того, как его убили. Он был сыт по горло обезглавливаниями и договорился с двумя своими друзьями, сэром Эндрю Ффаулксом и лордом Энтони Дьюхерстом, о вывозе герцога де Шали и его детей из Франции. Ты в курсе, кто такие Ффаулкс и Дьюхерст?

Финн кивнул. Поскольку оба мужчины, как известно, были близкими друзьями Блейкни, вся имеющаяся информация о них была включена в программирование перед заданием.

– Дьюхерст находится на корабле, – сказал Фицрой. – Ффаулкс был тем, кто управлял этой повозкой. Один из сыновей герцога сидел рядом с Ффаулксом, а младший мальчик и старик были втиснуты в полутора секции под сиденьем. Они не смогли бы долго оставаться в столь тесном пространстве, поэтому Ффаулкс, вероятно, выпустил их, как только они скрылись из видимости.

– А его жена? – спросил Финн.

– Она скончалась в прошлом году. Ты не знал? Черт, как же они там торопились. Тебе надо быть поосторожнее. Мы подогнали другую повозку, которую используем для подмены, ведь Ффаулкс не способен ехать быстро на той развалюхе. Так что, если будет погоня, между солдатами и Ффаулксом окажется наша телега. Они ее настигнут, полную пустых винных бочек и управляемую стариком и мальчиком, то смогут разобрать ее на доски – если им того захочется, но ничего не найдут. Это должно выиграть Ффаулксу необходимое время. Однако, планируя их побег, Блейкни не знал, что женился на женщине, которая отправила на гильотину целую семью аристократов. Так что, очевидно, он не мог рассчитывать на то, что возьмет их на борт своей яхты вместе с леди Блейкни, не так ли? Я полагаю, что в последнюю минуту они с Ффаулксом составили что-то вроде плана действий на случай непредвиденных обстоятельств, по которому беглецы где-то спрячутся, пока они с леди Блейкни не доберутся до Англии. После чего он, вероятно, намеревался послать за ними яхту. К сожалению, нет возможности точно знать, какие именно планы он разработал и где намеревался их спрятать. Это все догадки. Придется импровизировать.

– Я как-нибудь с этим разберусь, – сказал Финн. – Это все? Как по мне, то все это выглядит весьма стремно.

– Так и есть, – сказал Фицрой. Он передал Финну небольшой футляр, достаточно маленький, чтобы поместиться в кармане, и замаскированный под табакерку. – Внутри найдешь

перстень. Копию перстня Блейкни. Сдвинь нижнюю часть перстня вперед, и выскочит игла. Потренируйся несколько раз перед тем, как надеть, чтобы не уколоть себя самого. У тебя там несколько картриджей, все с цветной маркировкой, и расшифровкой внутри крышки. Сейчас он заряжен для леди Блейкни. Уколи ее, когда будешь готов, секунды через три она очнется. После этого заряжай его по своему усмотрению, только не давай никому смертельную дозу, если этого можно избежать. Эти помечены красным, кстати. Если используешь одну из этих доз, то делай это в самом крайнем случае, понятно?

– Прекрасно.

– Хорошо. Поторопись. – Фицрой передал ему поводья. – Удачи, Дилейни.

Финн вскочил в седло и послал кобылу в галоп. Не успел он прибыть на место, где Фицрой покинул вагон с привязанной к дереву ведущей лошадью, как услышал стремительно приближающиеся звуки ударов копыт. Не теряя ни секунды, он спешился и отпустил поводья, позволив лошади щипать траву. Затем он отвязал ведущую лошадь и забрался в экипаж, как раз в тот момент, когда показалась группа из шести солдат Республики. Финн глубоко вздохнул. Все действительно было очень стремно.

Он открыл коробочку, достал кольцо, быстро проверил иглу, затем надел его на безымянный палец правой руки. Он наклонился над леди Блейкни и уколол ее иглой в тот самый момент, когда офицер открыл дверь экипажа.

– Ты! Выходи оттуда!

Финн оглянулся через плечо и увидел, как лейтенант направил на него пистолет.

– Моя жена, – произнес он с тревогой в голосе, – она…

– Не обращай внимания на свою жену, выйди из кареты!

Леди Блейкни застонала и пошевелилась.

– Слава богу, – сказал Финн. – На мгновение я испугался, что…

– Выходи из кареты, я сказал!

Маргерит открыла глаза и вздрогнула всем телом.

– Перси! Господи, Перси, меня подстрелили!

– Нет, моя дорогая, – сказал Финн, медленно выходя из экипажа. – Ты лишь упала в обморок.

Солдат схватил его за руку и грубо оттянул в сторону, затем заглянул внутрь кареты.

– Если ты ищешь того разбойника, – сказал Финн, – то я видел, как он спрыгнул с подножки и убежал в лес.

Солдат крутнулся на месте, чтобы повернуться к нему лицом.

– Где? Далеко отсюда?

– Да будь я проклят, у меня нет ни малейшего представления, – сказал Финн, доставая носовой платок и помахивая им перед носом.

Он надеялся, что его подражание голосу Блейкни сгодится. У него не было времени потренироваться, и он пожалел, что не обладал даром мимикрии, как Лукас Прист.

– Я стремглав бросился догонять умчавшуюся карету и спасать мою бедную жену, – сказал Финн с ноткой негодования. – Я слишком беспокоился о ее благополучии, чтобы думать о вашем ренегате-аристократе. Он спрыгнул где-то там, позади.

Он махнул носовым платком в направлении дороги обратно в Париж.

– Вы трое, – сказал офицер, указав на своих людей, – езжайте обратно и прочешите лес. Он не мог уйти далеко.

Мужчины повернули лошадей и поскакали галопом в том направлении, откуда подъехали.

– Вы не видели повозку, – сказал офицер, – груженную бочками из-под вина?

– Господи, какие еще повозки? – сказал Финн, закатывая глаза. – Меня чуть не убили! А мою жену едва не застрелили! Там внутри кареты – дыра, проделанная пулей, которая прошла

в каких-то дюймах от ее головы! Все это было ужасно! Боюсь, я лишился сна на недели вперед! Мои внутренности скручены в узел. Это было слишком для моей хрупкой конституции. Все, чего я хочу, это вернуться в милую Англию и оставить вас с вашей Революцией. Мне плевать, если я больше никогда не ступлю на французскую землю!

– Думаю, Франция прекрасно проживет без таких, как вы, – сказал офицер с издевкой.

– Да, но я боюсь, что не смогу пережить Францию, – сказал Финн. Он прислонился к карете в поисках поддержки и вытер лоб носовым платком. – Боже, какой ужасный опыт! Какой ужасный человек! Надеюсь, вы поймаете его и упрячите в Бастилию.

– Мы сделаем намного больше, – сказал солдат. Он убрал свой пистолет, убедившись, что Блейкни не представляет никакой угрозы. – Вы направляйтесь в Кале?

– Да, если мы сможем добраться туда безопасно, не будучи убитыми по дороге, – сказал Финн. – Только господь знает, какие напасти ждут нас по пути! Я был бы очень благодарен, если бы вы и ваши люди смогли сопроводить нас к месту назначения. Я бы чувствовал себя намного спокойнее под защитой солдат Республики.

– У солдат Республики есть гораздо более важные дела, чем быть няньками для полуумных англичан, – сурово сказал лейтенант. – Я бы посоветовал вам отправляться в путь и не останавливаться, пока не доберетесь до Кале. Желаю вам скорейшего пересечения Ла-Манша… и в добрый путь.

Офицер взобрался на лошадь и уехал вместе с двумя оставшимися подчиненными, направляясь из города по следам винной повозки. Финн сделал глубокий вдох и медленно выдохнул.

– И тебе в добрый путь, – сказал Финн. – Дорогая, ты в порядке? Ты меня так напугала. Леди Блейкни игриво посмотрела на него.

– Похоже, не так уж и много нужно, чтобы тебя напугать, Перси.

– Немного, говоришь? Ну почему же, когда мою собственную жену чуть не застрелили, а меня самого едва не затоптала лошадь, а потом подвалили эти грубияны-бандиты, которые имеют наглость называть себя солдатами, – я бы сказал, что этого было вполне достаточно!

Пока он говорил, Финн попытался ее получше рассмотреть. Маргерит Блейкни было двадцать пять лет, она была высокой и пропорционально сложенной, с роскошной грудью, тонкой талией и длинными, стройными ногами, одна из которых ненадолго показалась, когда она выходила из экипажа.

Ее ярко-синие глаза встретились с глазами Финна, когда она попыталась поправить прическу – блестящие каштановые волосы растрепались, пока ее бросало в карете. В реальности она оказалась милее собственного голограммического изображения, которое не могло передать ее голос с его модуляциями, ее манерность, а уловило лишь намек на ее врожденную чувственность. Тем не менее, ее окружала определенная атмосфера враждебности, свидетельствующая об ухудшении отношений между нею и Блейкни.

В ней было что-то от уличного мальчишки, подумал Финн, хотя это ничуть не умаляло ее красоты. Скорее, это ее подчеркивало. Ее мимика говорила о гордости и упрямстве, и хотя она хорошо это скрывала, Финн видел, что Блейкни причинил ей боль. Несомненно, она чувствовала себя отвергнутой, хотя Финн понятия не имел, обсуждалось ли между ними происшествие с Сен-Сиром, или Блейкни просто принял его как должное и, убедившись, что это правда, похоронил его внутри себя словно позорную тайну, о которой никогда не говорят и которую даже не вспоминают. Он решил, благородства ради, следовать последнему сценарию, если только Маргерит сама не поднимет этот вопрос. Он также решил играть, не раскрывая карт, так как глаза Маргерит были проницательными и наблюдательными, когда она рассматривала его с какой-то озабоченностью.

– Ты в порядке, муж мой? – сказала она, приподняв бровь. – Что-то ты сам на себя не похож.

— Я в порядке настолько, насколько этого можно ожидать от человека, который так близко приблизился к смерти, — сказал он, прислонившись к карете с закрытыми глазами, обмахиваясь носовым платком. — Ей-ей, дорогая, у тебя должно быть мужество льва! Эта пистолетная пуля прошла на волосок от твоей головы, и вот ты стоишь, спокойно, насколько это возможно, и спрашиваешь меня, все ли в порядке! Если бы я был сделан из такого же стойкого материала, мое сердце не колотилось бы тогда, как кузнецкий молот по наковальне!

— Ну, раз твое сердце прекратило свой ужасный стук, возможно, мы сможем продолжить наше путешествие, — сказала Маргерит. — Мы не доберемся до Кале раньше завтрашнего дня, даже если будем гнать всю дорогу.

Она взглянула на пустое сидение кучера и вздохнула.

— Боюсь, тебе придется поиграть в кучера. Похоже, что наш слабонервный возница испугался больше твоего.

— В этом и заключается проблема этих новых «граждан», — сказал Финн. — Они ставят собственные мелкие проблемы выше своих обязанностей. Ну, похоже, другого выхода нет. Мне придется сделать это. Если повезет, мы проедем Амьен этим вечером и завтра доберемся до Кале. Ты уверена, что готова к трудной поездке? Мы могли бы путешествовать в легком темпе, но что-то мне внезапно захотелось добраться туда как можно скорее. Боюсь, я не буду ощущать себя в безопасности, пока мы не поднимемся на борт «Мечты».

Маргерит иронично улыбнулась.

— Что ж, тогда мне следует собрать все свое львиное мужество и приготовиться к опасностям нашего путешествия, — ее голос был просто пропитан сарказмом. — Будь так добр, Перси, ты не поможешь мне вернуться в карету?

Финн предложил ей руку и помог забраться внутрь экипажа, затем закрыл дверь и сел на козлы. Он стегнул лошадей и вывел карету обратно на дорогу. Они проехали в быстром темпе около пятнадцати минут или около того, и экипаж снова оказался в поле зрения солдат. Их было только трое, офицер и двое его людей, остальные, несомненно, до сих пор обшаривали кусты в поисках несуществующего *ci-devant* аристократа. Финн видел, что солдаты догнали приманку Фишроя. Они остановили ее на обочине дороги, там же стоял старик со своим юным «сыном», заламывая руки и плача, пока солдаты разбирали повозку в поисках герцога де Шали. Офицер поднял голову и наградил Финна уничижительным взглядом, тогда как Финн бодро помахал ему в ответ.

Была уже ночь, когда они добрались до Амьена, и лошади выложились по полной. Финн снял для них комнату в гостинице и позаботился о том, чтобы карета и лошади были поставлены в конюшню. Их должны были подготовить к раннему утру следующего дня. Маргерит поднялась в комнату, чтобы освежиться, в то время как Финн остался внизу и выпил немного вина.

Пока все хорошо, подумал он. Маргерит приняла его как Блейкни, и у нее не возникло по этому поводу никаких подозрений. В конце концов, теперь он был точной копией сэра Перси Блейкни, и он был подготовлен как можно более тщательно, чтобы сыграть эту роль. Для Маргерит заподозрить его в самозванстве было невозможно. Тем не менее, он последует совету Фишроя и будет продвигаться с осторожностью.

Нужно было сделать очень многое. Большую часть своей молодой жизни Перси Блейкни провел вдали от Англии. Разумеется, он будет известен при дворе, поскольку покойный Алджерон Блейкни был пэром королевства, и семейные владения были обширными. Блейкни был одним из богатейших людей в Англии. Уже этого было бы достаточно, чтобы обеспечить ему место в придворном обществе, но этого было недостаточно для данного сценария.

Финну предстояло представить персонажа Блейкни таким образом, чтобы его никогда не заподозрили в том, что он — Алый Первоцвет. Он также должен был держать дистанцию между ним, как Блейкни, и Маргерит. В противном случае, он не сможет действовать как Первоцвет.

Финн мог рассчитывать на то, что Лукас и Андре помогут ему в его усилиях по присоединению к Ффаулксу и Дьюхерсту в качестве первых членов Лиги Алого Первоцвета. Во всем остальном ему придется действовать полностью наугад.

На пике карьеры Блейкни в лиге насчитывалось около девятнадцати-двадцати членов. Точное число истории не сохранила. Уже одно это может привести к проблемам. Что могло бы случиться, если бы он не завербовал в лигу кого-то, кого бы завербовал настоящий Блейкни? Что бы произошло, если бы он завербовал кого-то, кто изначально вообще не был в лиге? Благодаря инерции течения времени он обладал определенной гибкостью; в противном случае корректировка была бы невозможна. И все же, в рамках этого конкретного сценария было много возможностей для того, чтобы что-то пошло не так. Дилейни уже приходилось работать в периоде, по которому не было адекватной предварительной документации. Тогда это ему не понравилось, а сейчас – тем более. Ну а леди Блейкни на шее ему нравилась еще меньше.

Если Фицрой не свяжется с ним, чтобы сообщить дополнительную информацию, он может положиться на рекомендации Ффаулкса и Дьюхерста по привлечению в лигу новых членов. Но леди Блейкни может представлять собой грозную проблему сразу в нескольких аспектах. Она была умной и наблюдательной, и, хотя роль женщины XVIII века лишила ее участия в большинстве сфер деятельности ее мужа, он должен был действовать так, чтобы не возбудить ее любопытство. С этой целью он мог бы использовать недавний раскол между сэром Перси Блейкни и его женой, углубить его и стать тем мужем, жена которого сочла его нудным и неинтересным. Это было бы несложно. Маргерит была довольно привлекательной и уже завоевала репутацию известной актрисы и хозяйки дома. Было бы простым делом представить ее лондонскому обществу, заняв сиденье в заднем ряду, изображая модного скучного и глупого пижона, в то время как Маргерит была в центре внимания. Она быстро станет душой любого собрания и в кратчайшие сроки обзаведется собственным кругом друзей и поклонников, которые не дадут ей скучать, в то время как он будет тайно вывозить аристократов из Франции.

Тем не менее, была реальная проблема его собственной реакции на Маргерит. С самого первого момента, когда он ее увидел, Финн нашел эту женщину неотразимо привлекательной. Держаться с нею холодно и оставаться безразличным будет совсем не просто. Когда дело касалось плоти, дисциплина никогда не была сильной стороной Дилейни. Он сидел в одиночестве за угловым столиком в гостинице, потягивая свое вино и размышляя о возможности переспать с нею этой ночью.

В конце концов, он был ее мужем. Она может поприветствовать внезапную оттепель в их отношениях, да и ситуация этому вполне благоприятствовала. Они только что пережили совместный ужасный опыт, который поднимает адреналин и заставляет людей искать приятного освобождения в сексуальной активности. Одна ночь, когда события предыдущего дня заставили их заново открыть радости, которые они познали, когда впервые обручились, одна ночь, какой вред она могла причинить? На следующий день он может возобновить статус-кво, действуя смущенно, неловко, возможно, немножко возмущенный тем, что поддался давлению момента. Такие вещи происходят постоянно.

Но, нет. Это было бы неразумно. Она уже испытывала недовольство по отношению к мужу, чей пыл значительно охладился, и чья преданность стала не более чем вопросом формы. Начинать что-то сейчас, только чтобы оборвать так резко, как продиктовано необходимости, – это только ухудшит ситуацию. Ему нужно было, чтобы Маргерит тяготилась общением с Блейкни, а не злилась на него. Он должен был задвинуть свою похоть в сторону, сделать то, что никогда не давалось ему легко, и еще более осложнялось тем, что ему предстояло разделить с ней постель.

– Черт, – негромко пробормотал Финн себе под нос, – почему я не подумал над тем, чтобы взять для нас отдельные комнаты.

— Сир, — произнес тихий голос рядом с ним. Он повернулся к молодой служанке, которая переминалась у стола и неловко улыбалась.

— Да, чего тебе?

— Дама просила меня сказать вам, что очень устала в дороге и не будет сегодня ужинать. Она умоляет вас ее извинить и покушать, если вам будет угодно. Она намерена просто отдохнуть для завтрашнего путешествия.

Ну, вот все и разрешилось, подумал Финн. Когда я поднимусь, она уже будет крепко спать. Надо только постараться держать руки подальше от нее посреди ночи...

Он поблагодарил девушку и попросил ее принести ему ужин из холодного мяса, хлеба и фруктов. Он выпил еще вина и впервые за этот день почувствовал себя расслабленным. За несколько пенни он купил у трактирщика глиняную трубку, за которую тот заломил цену, видя, что клиент при деньгах, и откинулся на стуле со своим длинным черчварденом, забитым турецкой латакией. Он курил медленно, наслаждаясь крепким черным табаком и потягивая довольно плебейское бордо гостиницы, которое, тем не менее, весьма приятно освежало после ухабистой и пыльной дороги. Он купил еще несколько трубок и немного табака, чтобы он мог расслабиться и покурить, пока они пересекают Ла-Манш, а затем поднялся наверх.

Маргерит была в постели, полностью укрытая покрывалами. Она оставила для него горящую свечу, и ее огонек заливал комнату мягким и уютным сиянием. Он увидел, что Маргерит подготовила для него ночную рубашку вместе с ночным колпаком, которые он рассмотрел с легким беспокойством. Ему не нравилось, когда его что-то стесняло во время сна. Тем не менее, его роль, казалось, требовала подчиниться, и он смирился. Он только надеялся, что в ночном одеянии не окажется клопов, которые составят ему компанию.

Двигаясь очень тихо, чтобы не разбудить Маргерит, Финн медленно разделся. Снимая последний предмет одежды, он услышал шорох в кровати позади него, и, думая, что, возможно, издал какой-то звук, который потревожил его «жену», на мгновение замер.

— Так ты хорошо поел и отдохнул, Перси? — тихо произнесла Маргерит голосом чуть громче шепота.

Финн повернулся и увидел, что она откинула покрывала и лежит голой на кровати в нарочитой и откровенно соблазнительной позе. Ее волосы рассыпались веером по подушке и в свете свечи они блестели червонным золотом. Ее мягкая кожа была безупречной, а грудь идеальной формы слегка приподнималась и опускалась, когда она дышала сквозь приоткрытые губы.

Дилейни быстро задул свечу, чтобы она не увидела то, что он не мог скрыть, затем быстро взял ночную рубашку. Он едва сдержал стон разочарования.

— Прости, дорогая, я не хотел тебя разбудить, — сказал он и отчетливо зевнул. — Господи, поразительно, что ты не спишь как мертвая после сегодняшних усилий. Я сам валюсь с ног. Я едва смог подняться по лестнице.

В темноте послышался тяжкий вздох.

— Тогда ложись и спи, — безучастно сказала Маргерит. — Ты хотел выехать рано утром и тебе нужно отдохнуть.

Финн прикусил нижнюю губу и нашупал путь к кровати, затем лег рядом с нею и повернулся на левый бок, спиной к ней. Он снова зевнул — для усиления эффекта.

— Боже, что за день! — сказал он. — У меня такое ощущение, что я смогу проспать сотню лет.

С ее стороны кровати не последовало никакого пожелания спокойной ночи.

— Ну, тогда спокойной ночи, — сказал Финн.

Он выждал несколько минут, а потом начал имитировать храп. Еще через несколько минут он услышал, как Маргерит встала с кровати и быстро надела ночную рубашку, а затем

тихо вернулась в постель. Вскоре она уснула. Финн, с другой стороны, знал, что ему повезет, если он вообще поспит. И еще он знал, что утром будет себя ненавидеть.

3

Они прибыли в Кале вечером следующего дня, сделав в пути несколько остановок, чтобы поменять лошадей. Дорога показалась долгой и трудной. Финн вымотался и покрылся дорожной пылью. Маргерит растряслась внутри кареты, но она не издала ни единого слова жалобы. Они поехали прямо к порту, и когда показалась бухта, Финн разглядел стоящую на якоре изящную пятидесятифутовую шхуну с длинным и стройным бушпритом, мачты-близнецы которой едва угадывались в сумерках. Они оставили экипаж в гостинице и наняли небольшую лодку – отвезти их на *«Мечту»*.

Вода дыбилась от холодного бриза, и Маргерит куталась в тонкий плащ, обернув его вокруг себя и не говоря ни слова. Финн не мог не восхищаться ею. Ей выстрелили в голову, сделали небольшую операцию в полевых условиях, хотя она и не знала об этом, и накачали наркотиками. Она тряслась внутри кареты на ухабистых и покрытых выбоинами проселочных дорогах около полутора сотен миль, которые они проделали за удивительные два дня, загнав при этом несколько упряженок лошадей, а теперь ее жестоко бросало вверх и вниз в маленькой лодке в неспокойных водах Ла-Манша, которая направлялась к *«Мечте»*. Ветер пронизывал ее модный легкий плащ с капюшоном, словно его там и не было, но, если не считать легкого трепетания плеч и едва заметного дрожания нижней губы, Маргерит оставалась спокойной и уравновешенной, словно на гребной прогулке по тихому деревенскому озеру.

Лодка подошла к яхте, и один из членов экипажа сбросил за борт веревочную лестницу. Пока лодочник вцепился в конец лестницы, пытаясь удерживать лодку на волнах, Финн помог Маргерит подняться по ступенькам, прижавшись к ней сзади и крепко обхватив ее на случай, если она не справится и упадет. Она поднималась немного неуверенно, ей было непривычно, что мир раскачивается вокруг нее, но она держалась крепко, и через несколько мгновений член экипажа протянул ей руку и помог забраться на борт. Она поблагодарила молодого человека, который неловко улыбнулся в ее присутствии, и повернулась, чтобы посмотреть на Финна со слегка дрожащей улыбкой.

– Как пройти в мою комнату, Перси? Ой, она называется каютой на корабле, не так ли?

– Позвольте мне, миледи, – сказал высокий, рыжеволосый молодой человек лет двадцати шести или двадцати семи, который подошел к ним и предложил ей свою руку. Он ослепительно ей улыбнулся. – Лорд Энтони Дьюхерст, к вашим услугам, мэм. Вы, должно быть, ужасно устали после вашего путешествия. Я взял на себя смелость подготовить вашу каюту и опустить вашу койку. Там есть свежая вода для умывания, а Стивенс мигом принесет вам ужин и ромовый пунш. Думаю, вам понравится бодрящий морской воздух, способствующий глубокому и спокойному сну. Мы отплываем с утренним приливом.

– Вы очень добры, лорд Дьюхерст.

– Энтони, мэм, – сказал тот с улыбкой, – или Тони, если хотите. Так зовут меня все мои друзья.

– Спасибо, Тони. А теперь, джентльмены, с вашего разрешения я удаляюсь.

Дьюхерст увел ее на нижнюю палубу, бегло оглянувшись на Финна и показав ему, что он сразу же вернется. Финн прислонился к грат-мачте по центру корабля и вытащил одну из своих глиняных трубок. Он наполнил ее табаком, который примял. Затем, согнувшись и закрыв ее рукой от ветра, он зажег ее после нескольких попыток и устроился у тиковых перил дожидаться возвращения Дьюхерста. За исключением капитана, обветренного морского волка по имени Бриггс, который приветствовал его на борту и спросил, если есть что-то, что он может для него сделать, остальные члены экипажа решили его не беспокоить. Бриггс принес ему наполненную ромом оловянную флягу, а затем снова отправился в свою каюту. Через несколько мгновений вернулся Дьюхерст.

— Должен сказать, Перси, она просто чудо! Красивая, очаровательная и умная; тебе будет завидовать каждый мужчина в Лондоне.

— Осмелюсь заметить, — сказал Финн, — за исключением тех, кто не может смириться с варварством, практикуемым в настоящее время на этих берегах.

Дьюхерст внезапно помрачнел.

— Значит, это правда — о Сен-Сире?

— Так ты слышал? — осторожно сказал Финн, пытаясь вызвать его на разговор.

— Да уж, новости распространяются быстро, если это плохие новости, — сказал Дьюхерст.

— Помилуй, что я могу сделать? Она моя жена, Тони. Я женат на ее прошлом, а также на ее будущем.

— А что Ффаулкс? Он в порядке? Ты его видел?

— Да, с ним все хорошо. Он выбрался из ворот немного раньше нас, но мы не встретили его по пути. Без сомнения, он съехал с главной дороги, пока не убедился, что ехать дальше безопасно. Хотя были проблемы. Его преследовали солдаты, но остановили не ту повозку. Я проехал мимо, когда они разламывали ее на части в поисках человеческой контрабанды.

— Он же справится, так ведь, Перси? — сказал Дьюхерст с выражением беспокойства на лице.

Финн кивнул.

— Он справится. Эндрю не дурак. Но мы должны отплыть в Дувр без него. Я не могу позволить де Шали и Маргерит столкнуться лицом к лицу. Это все испортит. Надо будет отправить за ними «Мечту».

— Бедный Сен-Жюст, — сказал Дьюхерст.

— Ты о чем? — спросил Финн.

— О, я сказал: «Бедный Сен-Жюст». Единственный из фельянов, обладающий хоть каким-то влиянием, и его назначают в Комитет общественной безопасности, где полно якобинцев Робеспьера. Если бы все оказалось наоборот! Но он заседает именно там, балансируя на краю пропасти, в то время как Фуке-Тенвиль продолжает свою бойню. Если бы не его помощь, мы бы никогда не вытащили де Шали живым, но я боюсь, что этого будет мало, чтобы искупить преступление его сестры.

Внезапно осознав то, что он сказал, Дьюхерст в ужасе посмотрел на Финна.

— Боже, Перси, прости меня! Я не подумал. Это было ужасно жестоко.

— Тем не менее, такова правда, — сказал Финн.

Итак, Арман Сен-Жюст, как и Лафайет, был одним из умеренных монархистов, отделившихся от якобинцев. Он настолько сочувствовал делу Блейкни, что принял в нем активное участие. Это было что-то, чего Дилейни не знал. Это была очень ценная информация. Если кровавый террор революции в сочетании с ролью его сестры в гибели маркиза де Сен-Сира стали оскорблением для его гуманистических чувств, Армана можно было бы использовать. В самом деле, похоже, что Блейкни уже его использовал.

— И все же мне очень жаль, Перси. В конце концов, она твоя жена. Надеюсь, ты сможешь меня простить.

— Здесь нечего прощать, Тони. Это время всем нам дало странных сожителей.

— Я бы сказал, что это было немного грубо, — заметил ошарашенный Дьюхерст.

— В наши дни мне не хватает терпения на обходительное поведение, — сказал Финн. — Оно отдает лицемерием, в то время как людей убивают направо и налево во имя свободы, равенства и братства. Поэт сказал однажды: «О, если ты спокоен, не растерян, когда теряют головы вокруг...» — он оборвал фразу, вспомнив, что поэт, о котором идет речь, Редьярд Киплинг, родился только в 1865 году. — Ну, я намерен не потерять голову, — сказал он. — И сделать все, что в моих силах, чтобы помочь другим сохранить свои на плечах. Гильотина — это мерзость, и я поставил перед собой задачу спасти от нее как можно больше жертв. Это меньшее,

что я могу сделать. Это не вернет Сен-Сира и не смягчит участие Маргерит в его казни, но если я смогу избавить других от его судьбы, любой риск будет оправдан. Недостаточно просто вывезти из страны одного аристократа. Я должен попытаться спасти столько, сколько смогу, а потом ткнуть в это дерьмо нос Фуке-Тенвиля!

– В принципе, я полностью поддерживаю, – сказал Дьюхерст, – но на практике это будет довольно опасно. Потом, остается вопрос о взглядах леди Блейкни, хотя мне не хочется углубляться в эту тему.

– Конечно же, она не должна ничего знать, – сказал Финн. – Мне придется работать тайно.

– Тогда каждый из тех, кому вы поможете, должен будет также поклясться держать все в тайне, – сказал Дьюхерст. – Единственная проблема в том, что, несмотря на все благие намерения, секреты не остаются секретами долго, когда количество тех, кто их разделяет, становится большим.

Финн кивнул.

– Я уверен, что герцог де Шали не станет болтать о своих благодетелях. Что касается всех остальных, я очень сильно постараюсь скрыть от них свою личность.

– Любые ухищрения в этом направлении сойдут на нет в тот момент, когда кто-то спросит о личности владельца этого корабля, – сказал Дьюхерст. – Ты не сможешь использовать «Мечту» в своих планах и оставаться неизвестным. Она слишком заметна, ей не затеряться среди обычных посудин.

Финн улыбнулся.

– Тогда я ее продам.

Дьюхерст нахмурился.

– Но тогда как…

– В конце концов, – продолжал Финн, – я устал от путешествий и возвращаюсь в Англию, чтобы заняться своими делами. Мне больше не нужна такая экстравагантная яхта, так как большую часть времени я буду находиться в Лондоне. На самом деле, я уже продал ее.

– *Что?* Кому?

– Так ведь тебе же, Тони.

– *Мне?*

– Да, тебе. Она же нравилась тебе все эти годы, разве не так? Ты приставал ко мне с просьбами продать «Мечту» столько же, сколько мы знаем друг друга.

– Что? Перси, что ты несешь? Я никогда…

– Да, я знаю, что ты никогда не делал ничего подобного. Ты знаешь это, и я знаю это, но никто больше этого не знает, и это все, что действительно имеет значение.

– Я ничего не понимаю, Перси. Какого дьявола ты задумал?

– Послушай, Тони, ты же не проводишь все свое время, плавая по Английскому каналу, не так ли? Ты – новый владелец столь прекрасного корабля, и есть ли какая-либо причина, по которой ты не должен извлечь из этого выгоду? Позволь Бриггсу оказывать определенные небольшие транспортные услуги, чтобы помочь оплачивать содержание «Мечты» и не давать бездельничать экипажу. На самом деле, сразу по возвращению в Англию к тебе обратится с просьбой о подобной услуге некий агент, имя которого ты так удобно забудешь. Ты неизменно удивишься, когда узнаешь, что это было сделано для того, чтобы помочь герцогу де Шали сбежать из Франции. Когда ты откроешь для себя этот необыкновенный факт, то будешь так изумлен и восхищен, что в качестве жеста благородного идеализма ты проинструктируешь Бриггса быть в готовности выполнять поручения этого неизвестного авантюриста, чье лицо никто и никогда не увидит. Вы с Ффаулксом устроите грандиозное шоу, помогая новоприбывшим найти себе место в Англии. Вы будете много говорить об этом человеке-загадке, дело которого вы решили поддержать несмотря на то, что ничего о нем не знаете.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.